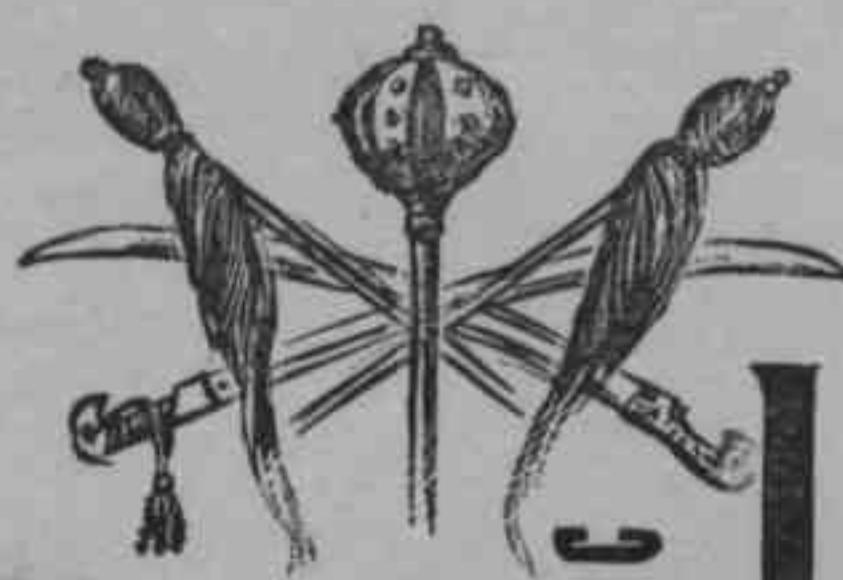

Родимый край

О ГЛАВЛЕНИЕ

- Савич — «Христос Воскресе».
Н. Греков — «Дело братьев Грузиновых».
М. Черныш — «Запорожье и Запорожская Сечь» (продолжение).
Н. Альникин — «Песня покинутых казачек».
Ф. Ф. Дюрзи — «Казаки в Монтаржи в 1814 г.».
Письма Атамана Платова.
А. П. Падалкин — «Цюльское восстание большевиков в Петрограде в 1917 г. и донские казачьи полки» (продолжение).
П. А. Фадеев — «Гражданская война на Уральском отдельном фронте» (продолжение).
Д. Пронин — «Книга, которая заслуживает Нобелевскую премию, но которая ее никогда не получит».
Н. Кузнецов — **
А. И. Третьяков — «Из борьбы донских казаков с большевиками» (продолжение).
Памяти отца и дедушки Г. А. Улитина.
Я. Богаевский — «Полковник Рытиков».
Доброволец Иванов — «С русской песней по белу свету».
Ген. Н. Г. Зубов — «Об Атаманском Военном Училище».
С. И. Донсков — «Проводы масленицы в США».
Участник — «Красная горка у казаков в США».
Из казачьей жизни зарубежом и из писем в редакцию «Род. Края».
Ушедшие.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».
Розыски.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.

Издатель: Донское Войсковое Объединение.

Association des Cosaques du Don

Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

PAYS NATAL

JUILLET — AOUT 1967

№ 71 — Июль-Август 1967 г. 3.50

Parait tous les 2 mois. Directeur: Bogaevsky.

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочкин, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.

Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY

230, Av. de la Division-Leclerc

95 — Montmorency

France

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Читатель недоумевает, ибо не ко времени эти, душу и сердце волнующие, два слова. А участники Белого Движения в Сибири свидетельствуют, что, когда им доводилось изгнать красных из городов и селений, то жители, перенесшие ужасы кровавого произвола красных, встречали своих избавителей возгласами Христос Воскресе, — было ли это летом, осенью или даже зимою.

Казачий разъезд Оренбуржцев со стороны Верхисецкого завода вошел в Екатеринбург и к нам бежали люди с кликами Христос Воскресе, бросали нам цветы, брали коней за поводья, шли рядом с нами и плакали. Не понимая их переживаний, мы не отвечали им Воистину Воскресе, ибо был июль, но слезы их понимали и утирали свои. На окраине города нам отвели двор для постоя. Хозяин дома И. В. Золотухин, узнав, что мы должны явиться в штаб командующего сводными наступавшими на Екатеринбург отрядами полк. Войцеховского, предложил нам свой уцелевший экипаж с лошадью, взял в руки возжи, сел вместо кучера на козлы и повез нас, трех офицеров разъезда, через город в штаб на станцию железной дороги. Всю дорогу Золотухин приветствовал встречных кликами Христос Воскресе, и мы слышали ответное Воистину Воскресе, и храмы были открыты и с колоколен лился пасхальный трезвон.

После явки по начальству, Золотухин предложил нам посетить дом, где томилась царская семья. Дом уже был опечатан, но во двор дома нас впустили, и было какое то непонятное чувство пустоты душевной, одиночества и страха. Подходили мы к окнам подвала, но ничего видно не было, поднялись по широкой лестнице на крытую веранду, на которую выходили двери и окна из дома, но все было закрыто и опечатано. Свидетельст-

вуем, что косяки окон и дверей и самые стены были испещрены непристойными рисунками и бранными по адресу заключенных надписями на русском языке. Ходили мы по двору и взяли по куску дерева, напиленного самим государем для детских игр, а я нашел небольшую рамочку с разбитым перламутром и с вышитым, очевидно детскими руками, двуглавым орликом. И в течение долгих лет я возил эту рамочку, как талисман, и берегу ее и она меня бережет, хотя много видел страшного... Пришлось скоро оставить дом и у ворот мы встретили женщину, рассказавшую, что мужа ее и сына замучили в чека, арестовав за то, что они, проходя мимо дома, поклонились стоявшему у окна государю, ибо в начале досчатый забор высотой своей доходил до окон, а потом стекла замазали мелом и забор повысили до крыши. Женщина живет недалеко от дома и в ночь на 4 июля (ст. ст.) слышала грохот моторов, заглушавших стрельбу в доме Ипатьева.

По городу были разбросаны и расклеены летучки, извещавшие, что в виду приближения контрреволюционных банд и чехословацких войск Николай Романов казнен, а семья его увезена...

Золотухин сообщил нам, что большевицкие верховоды намечали планы устройства «народного суда над Романовыми, судить всех на берегу реки, казнить и тела потом бросить в воду». Подробности знал брандмейстер Гаврилов, который был обязан бывать на собраниях главарей, и уверяющий, что все распоряжения получались из Кремля. Очевидно наступление белых помешало выполнить планы с устройством «народного суда». Всех перебили в подвале дома Ипатьева, и по этому поводу даже говорили — «в монастыре Ипатьевском началась династия Ро-

мановых, у Ипатьева ей и конец... »

Но верится, что сооружение, построенное на костях сотни миллионов Русь населявших людей, рухнет и, может быть, тогда бывшие русские, прибежавшие в Америку для спасения своих шкур, но здесь прославляющие коммунизм, вспомнят Серафима Саровского, видевшего сто лет тому назад позор России и пророчившего, что после ужасов, вдруг среди жаркого лета запоют пасхальный канон с пением Христос Воскресе, и будет это во всеобъемлющем размере, а в малом уже было, как утверждают все участники белой борбы с красными.

А преданный своими же окружающими людьми, имена коих указаны в писаниях игумена Серафима, Жильярда, Дитерихса, Соколова, державный хозяин земли русской со всей своей семьей был отдан на поругание черни, имена коих и знать не надо, ибо это были только исполнители воли, как те воины, что били плетьми Спасителя нашего Христа, поили его уксусом и кололи копьями висевшего на кресте.

Аминь.

Войсковой старшина Оренбургского Войска Савич

ДЕЛО БРАТЬЕВ ГРУЗИНОВЫХ

(Черкасск 1800 год)

« Жалует Царь, да немилует псарь »
(Русская поговорка)

В конце 1965 г. издательством « Литература да Хеловнеба » в городе Тбилиси, Грузинской ССР, вышла небольшая (110 страниц), но интересная книга О. Ш. Гвинчидзе под заглавием « Братья Грузиновы » (1) *).

Книга хорошо издана и содержит много указаний на литературные источники, частью опубликованные еще в Императорской России, частью в СССР. Кроме того, использованы документы, найденные в государственных архивах Москвы и Ленинграда, а также « семейный архив » (кавычки автора — прим. Н. Г.) семьи Грузиновых, находящийся у одного из потомков семьи, Петра Евграфовича Грузинова, по словам автора проживающего в настоящее время в Москве. Отметим, что в числе дореволюционных источников указана также « История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка. 1775-1813 гг. » Б. Р. Хрещатицкого, изданная в 1913 г. в Санкт-Петербурге (2).

Выход в свет этой книги и стремление автора как то по новому осветить это печальное дело вынуждает нас вкратце напомнить здесь трагическую судьбу двух братьев — полковника ЕВГРАФА ОСИПОВИЧА и подполков-

ника ПЕТРА ОСИПОВИЧА ГРУЗИНОВЫХ.

Гвардии полковник Евграф Грузинов, командуя эскадроном Л.-Гв. Казачьего полка, сначала в Гатчине, а позже в Петербурге, пользовался особым доверием Наследника — затем Императора — Петра Петровича. Неожиданно он попадает в опалу, весной 1798 г. ссылается на Дон и через два года, 5 сентября 1800 г., забит кнутом на смерть в городе Черкасске. В том же 1798 г. из Л.-Гв. Казачьего полка исключается и ссылается на Дон его брат Петр, в свою очередь казненный 26 сентября 1800 г. в Черкасске. Согласно Гвинчидзе, после этих ссылок, из Л.-Гв. Казачьего полка « исключают и высылают (на Дон) из Петербурга верных Евграфу Грузинову офицеров: эскадронного командира штаб-ротмистра Гурова, поручиков: Егорова, Полтарцева, Афанасия Грузинова (одного из младших братьев — прим. Н. Г.), корнетов Давицова, Краснощекова, Мурашева » (стр. 52).

В нижеследующих строках мы постараемся вкратце разобрать доводы Гвинчидзе, стремящегося выставить Грузиновых, в частности Евграфа, с одной стороны — как бы предшественниками декабристов, с другой — противниками монархии вообще и Петра I в частности. Затем, небезинтересно будет ознакомиться с историей рода Грузиновых, со служ-

*) Номера в скобках указывают на список литературы, приведенный в конце статьи.

бой братьев при Императоре, их опалой, предъявленными обвинениями, расследованием дела и его трагическим эпилогом. Дальше — по весьма отрывочным сведениям — мы постараемся создать себе впечатление об идеях Евграфа Грузинова, повидимому культурного и гуманного по тем временам человека, и, наконец, вывести общее заключение.

По словам Гвинчидзе, Евграф Грузинов принадлежал к « славной плеяде прогрессивно настроенных дворян » (стр. 37), « органически враждебный милостям царского двора » (стр. 54) и т. д. Вместе в тем Гвинчидзе признает тут же (стр. 59), что из имеющихся материальных неизвестно, был ли знаком Евграф « с общественно - политическими взглядами передовых людей России, в частности, читал ли он их произведения » и вообще был ли он знаком с ними самими.

Выше мы говорили, что Евграф Грузинов, по книге советского автора, является как бы предшественником декабристов, утверждая здесь, что движение декабристов было якобы чисто русским, не заимствованным в Западной Европе. Не вдаваясь в какие либо рассуждения по поводу движения декабристов, напомним лишь, что, например, идеи конституции были несомненно восприняты ими с Запада. Но, конечно, эти идеи упали на благодатную почву: честное и гуманное русское дворянство, не хотевшее мириться с аракчеевской реакцией и крепостным правом.

Дальше, разбирая обвинения и следствие, мы попробуем рассмотреть — действительно ли братья Грузиновы, особенно Евграф, были противниками монархии и к каким выводам можно прийти, рассуждая на основании документов, как приведенных в книге Гвинчидзе, так и в других.

Краткая история рода Грузиновых. (1) стр. 38-41.

В 1727 г. грузинский князь Роман НАМЧЕВАДЗЕ, после неудачного заговора в междуусобной борьбе владетельных князей Грузии, спасся побегом на Дон « в вольные станицы донских казаков. Прибрежья Дона, населенные казаками, славились богатством своих станиц... В главном городе казаков, или лучше сказать станице, Черкасске, поселился князь Роман и женился на казачке. Сыновья Романа Намчевадзе Иосиф, Михаил и Илья приняли название Грузиновых ». *)

Старший сын Романа Намчевадзе — Иосиф (Оисип) Грузинов был энергичный и образо-

*) Семейный архив Грузиновых. (1) стр. 38, 39.

ванный человек и в царствование Екатерины Великой дослужился до чина войскового старшины. От брака с казачкой Афанасьевой у него было пять сыновей — Евграф, Петр, Роман, Афанасий и Николай и одна дочь, имя которой осталось, к сожалению, неизвестным. Имеются лишь сведения, что она вышла замуж за казака Рубашкина.

Служба Евграфа и Петра Грузиновых (1) стр. 42.

Евграф родился в 1770 г. в Черкасске, 16 лет он поступает на военную службу и через два года он сотник Атаманского полка. Евграф был « статный, высокий, красивый Донец, богатырской силы, сметливый и ловкий » (2 — стр. 162).

В 1788 г. Евграф Грузинов, в чине сотника, повел из Черкасска в Гатчину отряд, где пребывал в это время наследник престола Павел Петрович. В этом же году он участвовал в русско-шведской войне, где командовал казачьим эскадроном. Позже, уже в чине маюра одного из казачьих полков, которым командовал тогда граф А. Денисов*), он участвует в русско-польской войне в составе отряда Суворова и приказом фельдмаршала Салтыкова от 22 сентября 1795 г. производится в чин войскового старшины.

В 1796 г. он в недавно сформированном Лейб-Гвардии Казачьем полку, где один эскадрон называется эскадроном Его Величества Павла I, а другой эскадроном Евграфа Грузинова. 10 апреля 1797 г. Евграф уже полковник гвардии и в 1798 г. определяется в Свиту Его Величества.

Второй брат — Петр, годом моложе Евграфа, в возрасте 17 лет получил орден Св. Георгия за участие во взятии Очакова и золотой крест за Рымнский бой.

В 1796 г. Петр — подполковник Л.-Гв. Казачьего полка, где служат и два другие брата: Роман — ротмистр и Афанасий — поручик.

Евграф пользовался полным доверием сначала Наследника, а затем и Императора Павла Петровича. Он исполнял его, иногда да-

*) Здесь в книге Гвинчидзе, вероятно, ошибка. Повидимому, дело касается Адриана Карповича Денисова, племянника графа Федора Петровича Денисова. Граф Ф. П. Денисов командовал в Польской кампании корпусом русских войск. А. К. Денисов, в будущем (1818) Донской Войсковой Атаман, также участвовал в Польской кампании и оставил записки, но он не имел графского достоинства (1 — стр. 44; 2 — стр. 72, 73).

же секретные, поручения, безотлучно состоял со своими казаками при Императоре, даже спал во дворце у входа в царскую спальню в качестве телохранителя.

Прежде, чем описывать опалу братьев Грузиновых, постараемся охарактеризовать Павловскую эпоху.

Павловская эпоха и заговор против Императора.

Вступив на престол, Павел I, не разделявший многих взглядов своей матери Екатерины, решил многое переменить. Будучи человеком горячим, увлекающимся, он был большим поклонником прусского короля Фридриха II и многое повернул на прусский лад. Далеко не все русские офицеры и генералы были такими же поклонниками пруссаков: тут достаточно назвать одного — Александра Васильевича Суворова. Но вместе с этим Павел I был исключительно честный, высоко моральный человек, считавший себя помазанником Божиим и, как таковой, требовавший безукоризненной службы от своих подданных. Император Павел стремился к справедливости и старался быть беспристрастным, соблюдать порядок, дисциплину, часто останавливая самоуправство некоторых избалованных вельмож (2 — стр. 158).

Несмотря на то, что Гвинчидзе утверждает (1 — стр. 35), что при Павле «Клещи крепостничества постепенно сжимались вокруг крестьянства», напомним только, что это Павел издал указ о трехдневной барщине, т. е., что крепостные крестьяне работают на помещика не всю неделю, а только три дня, остальные три дня — на себя.

А что касается казаков, то, взойдя на престол, Павел I благодарил Донское Войско за поздравление и 13 декабря 1796 г. восстановил ряд автономий, уничтоженных Екатериной. Указом от 5 июля 1797 г. на имя атамана Орлова он восстановил донскую войсковую автономию, что было торжественно объявлено на Дону в Войсковом Кругу (3).

Но вернемся в Петербург ко двору Императора Павла.

Крутые меры Государя не нравились многим дворянам. Опала, ссылки многих бывших сановников Екатерины вызывали недовольство и в среде придворных стал постепенно создаваться заговор против Императора. А тут заговорщикам помогла внешняя политика Павла, а именно франко-русский союз, направленный против Англии. Русский Император и французский Первый Консул генерал Бонапарт заключили союз, предвидевший совместные военные действия, осуществившиеся в походе казаков на Индию в

1801 г. Существование заговора придворных против Павла было конечно на руку Англии, посол которой стал помогать заговорщикам, главным лицом которых был Петербургский военный губернатор граф Пален, откровенно говоривший Ланжерону, что он нарочно побуждает Павла на особо непопулярные меры, чтобы усилить общее ожесточение против Императора (2 — стр. 161). Следует заметить, что в книге Гвинчидзе говорится очень мало, как бы между прочим, о заговоре против Павла и практически ничего о франко-русском союзе.

Конечно, такие телохранители Императора, как братья Грузиновы, были весьма серьезным препятствием для заговорщиков: их надо было удалить.

Приведем выписку из книги Гвинчидзе, который, на основании документов, найденных в Центральном Государственном Военно-Историческом Архиве (ЦГВИА, ф. 8, № 845) в Москве, пишет (1 — стр. 51):

« В 1798 г. Евграфа Грузинова неожиданно подвергают аресту. К сожалению, из документов причину его ареста установить трудно (подчеркнуто Н. Г.). 18 апреля 1798 г. Павел I собственноручно писал Евграфу Грузинову: ...с получением сего... немедленно... быть ко мне в г. Павловск ». В Павловске Евграф имел аудиенцию у Императора, а « что было сказано во время этой аудиенции между Павлом I и Евграфом Грузиновым, неизвестно, но через несколько дней Евграфа Грузина заточили в Ревельскую крепость », где он содержался в тяжелых условиях.

Почти одновременно, 24 апреля того же года, был исключен из полка и также арестован второй брат Петр, но потом 29 июня прощен (2 — стр. 145), а позже сослан на Дон.

Опала.

17 сентября 1798 г. Евграф Грузинов исключается приказом из полка и высылается на Дон « за ложное рапортование себя больным » (2 — стр. 166).

Отчего же оба брата, особенно Евграф, высылаются на Дон после освобождения от ареста? Здесь, даже Гвинчидзе, внимательно изучавший архивы *), признает, что « за

*) Относительно архивов, не совсем ясно, почему Гвинчидзе, имея доступ к государственным архивам СССР, не пишет об архивах Донского Музея в Новочеркасске. Всем историкам известно, что этот Музей имеет богатый архив, до сих пор очень мало исследованный. Вполне увероятно, что в нем могут найтись документы, которые разъяснят, может

неимением достаточного документального материала, который помог бы разобраться в перипетиях, постигших братьев Грузиновых на протяжении 1798 г., нам приходится выдвинуть некоторые свои соображения» (I — стр. 55; подчеркнуто Н. Г.). В числе этих соображений, Гвинчидзе предполагает, что Павел сомневался в их «неверноподданничестве» (кавычки Гвинчидзе). А тут представился заговорщикам удобный случай: отец братьев, Иосиф (Осип) Романович Грузинов, тяжело заболел, его разбил частичный паралич и он хотел повидаться хотя бы со старшим сыном Евграфом. Заговорщики горячо советовали Павлу отпустить Евграфа на Дон, хотя бы на короткий срок. Тут-де, вдали от двора он легче раскроет свою, якобы, революционную деятельность. Известно, с какой подозрительностью Павел относился ко всему, что так или иначе связывалось не только с якобинством, рожденным недавней французской революцией, но с малейшим проявлением «неверноподданничества». Была пущена в ход клевета, сначала осторожная, потом все более и более открытая.

По совету заговорщиков Павел Петрович сам предложил Евграфу поехать на Дон навестит отца, а при прощании с ним дал устное поручение атаману Орлову и пожаловал Грузинову деревню в тысячу душ крестьян. Это произошло еще до приказа 17 сентября о ссылке его на Дон с фельдъегерем. По книге Хрещатицкого (2 — стр. 167) этот фельдъегерь сопровождал Евграфа под видом курьера, якобы для почета. А по приедзе на Дон этот «курьер» передал атаману Орлову секретное поручение гр. Палена о надзоре и слежке за Грузиновым. Каково же было удивление Орлова, когда Грузинов передал ему устное и тоже секретное поручение Императора: справку о передвижении некоторых полков Донского Войска.

Несколько месяцев провел Евграф Грузинов не получая известий из Петербурга. Тут он, между прочим, отпустил на волю пожалованных ему Павлом крестьян.

Установив надзор и слежку за обоими братьями — второй брат Петр также сослан на Дон без малого через год после Евграфа — атаман Орлов тщательно собирал сведения о них через своих агентов. А тут в Черкасск в средине 1800 г. прибыл инспектор армии генерал Кожин, который занялся делом бра-

тьев вместе с генералом Репниным *) — уже давно бывшим в Черкасске для производства следствия. Характерно, что опала братьев Грузиновых совпала по времени, приблизительно, с опалой Суворова, о чем напоминает Гвинчидзе (I — стр. 53). Повидимому, в эти годы Павел I был особенно подозрителен и недоверчив.

У Хрещатицкого (2 — стр. 168-174) подробно описана полицейская слежка, доносы, отдельные фразы, поставленные потом в вину Евграфу. Мы не можем здесь подробно на этом останавливаться, а посмотрим, какие же обвинения были официально возведены на Евграфа Грузинова.

Предъявленные обвинения и расследование дела.

Генерал-Адъютант Кожин, сразу же по приезде в Черкасск имеет секретное совещание с атаманом Орловым и с ранее прибывшим генералом-от-кавалерии Репниным. На другой же день Евграф и Петр Грузиновы арестованы и отведены в тюрьму.

13 августа 1800 г. распоряжением атамана Орлова была учреждена судебная комиссия во главе с «презусом» ген. Родионовым. Обвинения, предъявленные полковнику Евграфу Грузинову, были:

1. Он хвалился, де, что возьмет Константинополь, учредит там свой Сенат, свое управление и населит его разных вер людьми.
2. Он пройдет, де, всю Россию, да не так, как Разин и Пугачев, а так, что и Москва затрясется.
3. Поносил, де, бранными словами Императора.

Комиссия военного суда действовала «с крайней поспешностью». Несмотря на то, что Евграф почти не отвечал на вопросы и категорически отказался подписать документ, составленный комиссией, 25 августа ему был вынесен приговор. Что касается этого приговора, то в Истории Лейб-Казаков Хрещатицкого (2 — стр. 174) указывается, что именно в этом заседании 25 августа комиссия назначила «нешадный» кнут для Евграфа и «простой» для Петра, лишение чинов и дворянства и отобрание имущества. Гвинчидзе (1 — стр. 101, 102) говорит о другом приговоре той же комиссии: «Комиссия военного суда...

*) В книге Гвинчидзе (1) и в статье Гордеева (4) пишется «Репин». Во всех же других документах, в частности в Истории Государевой Свиты, СПБ, 1902, стр. 364, 365 (5), упоминается только Репнин.

быть, то, что сейчас кажется не совсем понятным.

находя учиненные им, Грузиновым, в приспешенных важнейших преступлениях собственное признание за существительное, хотя оно в ответах его, набело переписанных, от упорства его не подписано им (подчеркнуто Н. Г.) ... приговорила его ... четвертовать » **). Тут он указывает (стр. 92) дату 4 сентября 1800 г., а перед этим отмечает, что Павел I уже 26 августа подписал указ, гласящий: « исключенного полковника Грузинова за измену против нас и государства наказать нещадно кнутом и отправить к нашему генерал-прокурору, а имение его отписать в казну ». Этот же указ приведен Хрещатицким (2 — стр. 174).

Почему же комиссия 4 сентября решила его четвертовать, когда она, конечно, уже знала об указе 26-го августа о кнуте? В те времена фельдъегерь ехал из Петербурга в Черкасск 5-6 дней; туда и обратно, считая до-клады, заседания и т. д. — не больше двух недель.

Войсковой прокурор Антон Миклашевич протестовал письменно против приговора и советовал атаману Орлову « не учинять над Грузиновым старшим экзекуции », веря в милосердие Павла.

После казни обоих братьев, 13 октября 1800 г. Павел издает указ: « Указом нашим, в сей день сенату данным, исключить из службы с отобранием патентов генерала-от кавалерии Репнина за приведение в исполнение сентенции смертной казни на Дону, вместо заменяющего онную наказания, положенного нашей конфирмациею, повелеваем сенату судить его, Репнина, уголовным судом ». За дело Грузиновых Репнин был разжалован и отрешен от должности. Он был вновь принят на службу в чине генерал-лейтенанта уже при Александре I, в 1807 г.

Что касается Кожина, то он как будто не подвергся преследованию за это дело, вся тяжесть за него легла только на Репнина. О Кожине известно только, что 5 октября 1800 г. он был назначен в Конный полк командиром, после чего в свите больше не упоминается (5 — стр. 306).

Попробуем теперь разобраться, какие же идеи проповедывал Евграф Грузинов, за которые он принял мученическую смерть. Нужно сказать, что авторы приводят только отрывки, подробностей очень мало. Все же,

какое то общее представление создать можно.

Идеи Евграфа Грузинова.

По книге Гвинчидзе, Евграф Грузинов якобы хотел свержения не только Павла I, но и царской власти вообще. Тут советский автор больше приводит свои собственные рассуждения, основанные главным образом на предположениях.

Во время ареста Грузинова в его доме нашли две бумаги, излагающие его идеи. Из этих бумаг приводятся здесь только отдельные выдержки, неполные фразы. Евграф хотел будто бы создать новое государство, на совершенно новых началах, где очень большую роль играл бы « сенат », чтобы « усилить и всеумножить щастие... для всех народов, живущих под солнцем » (Уч. Зап. Новгородского Педагог. Инст., 1956, Т. I, стр. 125 — по Гвинчидзе, 1 — стр. 64). Это государство должно обладать сильной армией, чтобы « разбить всех, кто б ни вступил в войну » (там же). Кстати, совершенно неизвестно, где хотел Евграф создать такое идеальное, по его мысли, государство? Похоже, что он даже не имел в виду России — например по трудам Курицына (3), Хрещатицкого (2) и Гордеева (4), он будто бы призывал казаков итти на Стамбул (Константинополь) и там уже учреждать свой сенат.

А что касается казаков, то тут вполне вероятно, что Евграф Грузинов, как и многие, если не все казаки тех времен, включая и донскую старшину (кстати уже переименованную тогда в дворянство), стояли за эту автономию Войска. В донесенииprotoиерея Волошеневского, которому по предписанию атамана Орлова было поручено « беседовать » с Евграфом наедине, сказано, что « он, Евграф, не признавая себя в зависимости подданного и будто высокомонаршие благоденния принадлежали ему по заслугам... представлял донского казака Ермака Тимофеевика, упоминая и о всех донских казаках, что они от высокомонаршего престола состоят независимы и будто к тому вечною присяго не обязавшимися, а только к службе — временною... » Тут, как будто, Евграф шел дальше « автономии » Донского Войска, возвращенной Дону Павлом, и, конечно, для самодержавного Императора конца 18-го века, к тому же поклонника прусской дисциплины и абсолютно враждебного всякому « либерализму », подобные идеи были вряд ли приемлемы. Заметим однако, что от всего этого донесения protoиерея Волошеневского, по-досланного Орловым нарочно к Грузинову, чтобы выведать от Евграфа то, что ему, Ор-

**) Гвинчидзе указывает справку (стр. 102, пометка внизу страницы): ЦГИАЛ, ф. 1345, оп. 98, д. 525, л. 11 об.

лову, было нужно, веет какой-то неискренностью. Вообще неизвестно, передает ли Волошеневский действительные слова Евгра-фа.

Все исследователи, в том числе и советский автор Гвинчидзе, не находят документа, доказывающего антимонархические идеи Евгра-фа и Петра Грузиновых.

Гвинчидзе (стр. 66) пишет, что в своих рукописях « Евграф Грузинов... совершенно не упоминает слова « демократия » (кавычки Гвинчидзе), а относительно Павла I, ...он будто бы говорит, что « самодержавного государя он не признает уже законным государем ».

Выдержки эти далеко неполные, и по нашему мнению никак не позволяющие утверждать какие-то анти-монархические идеи, проповедываемые Евграфом. Мы не знаем, когда, почему, в каких условиях, отвечая ли на вопросы или в других обстоятельствах Евграф произнес эти, в общем, мало что значащие слова, дошедшие до нас в виде неполных фраз. Нет к этому доказательств и в материалах следствия. Вспомним, что Грузинов отказался подписать предъявленные ему обвинения (1 — стр. 102), вообще почти не отвечал на задаваемые вопросы и никого не выдал.

Заключение.

В начале этой статьи мы поставили вопрос: был ли Евграф Грузинов противником монархии вообще и Императора Павла в частности.

Рассмотрев документальные данные, приведенные как Гвинчидзе, так и другими авторами, касающиеся предъявленных обвинений, расследования дела и, собственно, идей Евграфа, к такому выводу трудно прийти — чтобы не сказать, нельзя.

Может быть он и шел дальше « автономии » Войска Донского, думая о создании какого-то идеального государства в Константинополе с сенатом во главе. Это, может быть, и было понято Павлом как « измена »? И эти мысли, именно о Константинополе, не были ли они тут отголоском « Греческого Проекта » Потемкина, напоминавшего Павлу Петровичу так не любимую им Екатерининскую эпоху?

Подверженный болезненным припадкам жестокого гнева, нервной раздражительности, но от природы благородный и благодушный, Император Павел вступил на престол уже изломанным, раздраженным и озлобленным (Платонов, 6 — стр. 274). Он, конечно, поверил своим приближенным: Палену, Ливену и другим, когда те наговорили ему на братьев Грузиновых, и велел наказать

их кнутом. Но он считал совершенно нормальным наказывать своих подданных по своему усмотрению. Великий Суворов и тот был сослан в Кончанское и даже по возвращении из швейцарского похода, после милостивых писем, Павел снова разгневался на уже умирающего фельдмаршала.

В записках барона В. И. Штейнгеля, опубликованных в журнале « Исторический Вестник » (СПБ, май 1900, т. 80, стр. 446 — по Гвинчидзе; 1 — стр. 8, 9) написано следующее: когда Император Павел узнал о казни братьев Грузиновых, то он велел бывшему коменданту Ревеля Горчакову немедленно отправиться в Черкасск для выяснения всех подробностей происшедшего. Когда Горчаков явился перед поездкой на Дон в Гатчину к Императору, его сейчас же позвали в кабинет к Павлу. Ожидавший его у дверей Павел схватил его за руки, подвел к образу и сказал: « Вот тебе Матерь Божия свидетельница, я не виновен; защити меня ».

Зачем ему, самодержавному Императору, всецело распоряжающемуся жизнью и благами своих подданных, не считающему нужным отдавать кому бы то ни было отчет в своих действиях, произносить такие слова? Зачем он потом отдает под суд Репнина, который явно « перестарался » в Черкасске? У такого человека, как Павел I, не может быть лицемерия или комедии. Как бы ни были жестоки его действия — он всегда искренен.

Братья Грузиновы казнены — теперь у Павла нет больше телохранителей, он всецело в руках заговорщиков. Дальнейшее известно.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. заговорщики врываются в Михайловский замок, проникают в царскую спальню и убивают Императора Павла Петровича.

Характерно, как они вообще боялись казаков. Гвинчидзе (1 — стр. 20) и Хрещатицкий (2 — стр. 182) приводят рассказ, называемый Хрещатицким « легендой », ходившей среди казаков.

В Петербурге был у Царя Уральский конвой. В эту ночь его услали в Павловск сопровождать карету, в которой якобы ехал Павел. Но казакам что-то показалось подозрительно, они заглянули в карету — там пусто. Моментально Уральцы повернули, поскакали назад, но было уже поздно — им объявили, что « Царь, де, скоропостижно в Бозе почил ».

Многое можно было бы привести из рассказов, писем, документов по этому грустному делу, но это слишком бы удлинило эту и без того уже длинную статью. Все же мне хочется сказать несколько слов о роли атамана В. П. Орлова.

Роль, сыгранная атаманом Орловым в деле братьев Грузиновых, далеко не в его пользу. Он ведет дело с Репниным и Кожиным и как будто с самого начала хочет погубить обоих братьев, особенно Евграфа. Это ему граф Пален пишет секретные инструкции о слежке и т. д. Тут у Хрещатицкого (2 — стр. 41) написано, что дочь Орлова Екатерина была замужем за ...графом П. П. Паленом. У нас нет подробностей об этом П. П. Палене, но вполне вероятно, что и был родственником ливонского выходца графа Петра Людвига Палена, военного губернатора Санкт-Петербурга, одного из главных участников заговора против Императора Павла.

А дальше? Были ли реабилитированы злосчастные братья Евграф и Петр? Об этом у нас сведений нет. Известно только, что младший брат, Афанасий Осипович Грузинов, исключенный из Лейб-Гвардии Казачьего полка в 1798 г., высочайшим приказом от 29 марта 1801 г., т. е. через какие нибудь две недели по восшествии на престол Александра I, возвращен в полк. 9 апреля того же года последовал указ Императора Александра: «отписанное в казну по указу от 26 августа прошлого 1800 года имение, принадлежавшее лишенному чинов и дворянского достоинства полковнику Грузинову, состоящее в городе Черкасске, Всемилостивейше повелеваем возвратить братьям его яко ближайшим его наследникам» (2 — стр. 186). Но ничего не говорится о двух замученных старших братьях.

В заключение скажем, что несмотря на свои идеи создания какого-то идеального го-

сударства с сенатом, где бы царствовало всеобщее «щастие», где-то в Стамбуле, и будучи как будто сторонниками казачьих вольностей на Дону, Грузиновы, особенно Евграф, совсем не были противниками ни царской власти, ни монархии в России.

«Здравствуй Царь в Кременной Москве,
а мы казаки — на Тихом Дону!»
Париж.

Н. Греков

(Бюллетень Музея Л. Гв. Казачьего Его Величества полка. №11).

ЛИТЕРАТУРА

- (1) — Гвинчидзе, О. Ш., 1965 Братья Грузиновы. (Институт Истории, Археологии и Этнографии им. И. А. Джавахишвили, Ак. Наук Грузинской ССР, Изд. «Литература да Хеловнеба», Тбилиси).
- (2) — Хрещатицкий, Б. Р., 1913. История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка. (Санкт-Петербург).
- (3) — Курицын, И. И., 1967. Донское Казачество и Россия. («Родимый Край», 68, янв.-февр. 1967, стр. 1-6, изд. Донского Войскового Объединения, Париж).
- (4) — Гордеев, А., 1952. Поход донских казаков в Индию. («Обще-Казачий Журнал», VII, 13, стр. 64-71, изд. Обще-Каз. Центра в САСШ, Englishtown, N. J.).
- (5) — Квадри, В., 1902. История Государевой Свиты. XVIII век. (Санкт-Петербург).
- (6) — Платонов, проф. С. Ф., 1945. Учебник Русской Истории. (Изд. Лашкевич и бр., Буэнос-Айрес).

ЗАПОРОЖЬЕ И ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ

(Отрывки из истории запорожского казачества)

(Продолжение № 70)

Переяславская Рада).

8-го января 1654 г. в присутствии представителей всех полков состоялась знаменитая Переяславская Рада, которая единодушно высказалась за воссоединение Украины с Россией: «чтоб есми во веки вси едино были». Вместе со всем украинским народом воссоединение Украины с Россией приветствовала Запорожская Сечь.

Еще 26 декабря 1653 г. гетман Богдан Хмельницкий отправил из Чигирина в Сечь своего посланца с письмом. Гетман просил запорожцев высказать свое мнение по вопросу о предстоящем воссоединении Украины с Россией. Воздавая должное запорожскому казачеству за тот вклад, который оно внесло в освободительную борьбу украинского народа, гетман писал: «Кдиж мы яко мазину

войны з Поляками зачинали не без воли и совета вашего брати нашей, так и сего не меньшого дела, о протекции помещенной московской, без вашего же соизволения и порады чинити не хотем ». Письмо адресовано так: « Мосци пане атамане кошовий зо всим войском Низовым Запорожским, мне велце зи- чливые мосци панове и братя ». (Летопись С. Величка, стр. 92-93).

3 января 1654 г. запорожцы прислали гетману свой ответ: « Замысл ваш, — писали сечевики, — що удастся и бути зо всим народом Малороссийским, по обоим сторонам Днепра будучим под протекциєю великодержавнейшего и пресветлейшего монарха всероссийского, за слушний быти признаваем, и даемо нашу войсковую вам пораду, абысте того дела не оставляли и оное кончили, як ку найлучшой ползе отчизне нашей Малороссийской и всего войска Запорожского ».

При этом запорожцы советовали остерегаться, чтобы делу воссоединения двух братских народов не помешала чем-либо панская Польша: « Абы поляки, проведавши, не учинили в том своими хитростями яковой перепони ». (Летопись С. Величка, стр. 93-94).

Воссоединение Украины с Россией явилось выдающимся историческим событием в жизни украинского и русского народов. Воссоединившись с русским народом, украинский народ сохранил себя как нацию.

Россия 11-го века была одним из централизованных государств мира, которое могло обеспечить условия для нормального хозяйственного и культурного прогресса. Поэтому после воссоединения с Россией, производительные силы Украины получили большой простор для своего развития. Царское правительство хотя и выдавало отдельным старшинам жалованые грамоты на право владения землями и крестьянами, однако, на первых порах, учитывая напряженное положение на Украине, не предпринимало решительных мер для обеспечения этих прав. В результате всего этого, положение украинского крестьянства было несколько облегчено. Улучшилось положение городского населения. Изменилось положение и Запорожского казачества. За Запорожским Войском были признаны те же права, что и за другими казачими Войсками в Русском государстве: право на сохранение традиционного казачьего самоуправления и право на прием беглых. Позднее царское правительство стало посыпать на Запорожье жалованье в форме денег, оружия, пороха, хлеба и т.д. Границы территории Запорожья продвинулись значительно к северу: пограничными межами ста-

ли считаться реки, левые притоки Днепра, — Самара и Орель. После воссоединения Украины с Россией, Запорожье, ставшее в хозяйственном отношении неотъемлемой частью всероссийского рынка, сделало заметные шаги в своем экономическом развитии.

Конец 17-го и начало 18-го столетия были для Русского государства периодом дальнейшего расширения внутреннего рынка, роста городов, усиления экономических связей с западноевропейскими странами.

Крупные землевладельцы, все более втягиваемые в рыночные отношения, стремились увеличить доходность своих имений путем эксплуатации крестьян. Русское правительство всему этому явно покровительствовало. При Петре I помещикам было роздано огромное количество крестьянских земель и сотни тысяч крестьян.

Кроме работы на своих владельцев, крестьяне принуждались к отбыванию многочисленных повинностей, в том числе к новой рекрутской в пользу государства. Тяжелым бременем ложились на крестьянство бесчисленные налоги и поборы. Крестьянство оказывало своим притеснителям упорное сопротивление, которое жестоко подавлялось правительством. Спасаясь от угнетения, многие крестьяне попрежнему бежали к казакам, прежде всего на Дон. Однако в то время обстановка в казачьих землях резко изменилась. На границах казачьих земель, а кое-где и в самых казачьих областях, строились крепости и ставились армейские гарнизоны.

В 1696 году в результате успешных действий русской армии, донских и запорожских казаков был взят Азов. Воспользовавшись тем, что теперь опасность для русских границ со стороны Турции уменьшилась, царское правительство с новой силой развернуло наступление на донцов. Правительство стало все более самовластно вмешиваться в дела Войска, стремясь закрыть доступ в него для беглых и окончательно подчинить своим интересам. В 1700 году последовал указ, повелевавший донским казакам, живущим по Хопру и Медведице, переселиться на юг, ближе к Азову. В 1702 г. донцам было запрещено ловить рыбу в низовьях Дона, т.е. в самых обильных рыбой местах, а в 1703 г. был издан приказ «отписать» всю сущенную рыбу «на государя». Донских казаков в принудительном порядке обязывали выполнять всевозможные работы на Бердянских соляных промыслах. Казачьи земли быстро прибирались к рукам боярами и правительством. Вторжение на Дон русских карательных отрядов для розыска укрывавшихся на Дону

боглых крестьян, наряду с другими мероприятиями, угрожало самому существованию донского казачества. Много донцов бежало в это время на Запорожье, Яик, Терек и т. д.

Крепостнический и национальный гнет усиливался и на Украине. На Левобережье гетман и старшина захватывали крестьянские и казачьи земли. В одних случаях земельные участки, принадлежащие крестьянам и казакам, переходили к старшинам за долги, в других — крестьян и казаков просто гнали с земли, бросали в тюрьмы, а имущество отнимали. Во время своего правления гетман Мазепа раздал старшине и духовенству свыше тысячи универсалов на имения. Царское правительство подтверждало такие захваты своими жалованными грамотами, узаконяя этим грабеж народа. Стремясь восстановить крепостнические порядки в таком виде, как они существовали в период владычества Польши, Мазепа требовал от крестьян «обыкновенного послушенства».

В 1701 г. он издал универсал о двухдневной барщине. Хотя на Левобережье не существовало закона о крепостной зависимости крестьянства, в действительности крестьяне в редких случаях могли уходить от своих владельцев. Значительная часть крестьян и казаков Левобережья была закрепощена. Крестьянам категорически было запрещено вступать в казаки. Население Гетманщины стонало под непосильным гнетом многочисленных налогов и сборов в пользу гетмана, старшины и царской казны.

К этому добавлялись поборы на содержание наемного войска. Боясь народной мести, Мазепа окружил себя наемными войсками.

Еще тяжелее было положение народных масс Правобережной Украины. Поляки, захватив Правобережье, восстанавливали там крепостные порядки и жестокий национально-религиозный гнет. В ответ на это крестьяне и казаки бежали в так называемую нейтральную территорию — в Южную Киевщину и Брацлавщину. Поселившись тут, они образовали несколько казачьих полков. Эти казаки под предводительством атамана Семена Палия развернули в 1702-1704 годах борьбу против поляков за освобождение от социального и национального гнета и воссоединения Правобережья с Россией.

Крестьяне и казаки Левобережья и Правобережья, изнывавшие под тяжестью усилившегося социального и национального гнета, попрежнему бежали на Запорожье. Запорожская Сечь продолжала оставаться плацдармом в борьбе народных масс против чужеземного крепостнического и национального

гнета. Число беглецов, искающих в этот период спасения на Запорожье, быстро росло.

В 1702 г. гетман Мазепа жаловался правительству на бегство «в Запорожье многих людей из малороссийских городов». В том же году он доносил правительству: «Оные запорожцы недобрый духом дышат и с недобрым намерением великими купами собираются». Неколько позднее Мазепа писал, что «чуть не вся Украина тем же запорожским духом дышит, понеже народ посполитый (крестьянство) и всякий под властью пребывающий желает оной над собою не иметь». Мазепа и его приближенные делали все возможное, чтобы побудить царское правительство уничтожить Запорожскую Сечь. Гнусной клеветой на запорожских «бунтовщиков», которые якобы стремятся перейти под власть Крымского хана, они хотели спровоцировать царское правительство на репрессии в отношении Сечи. Стремясь, как некогда польские магнаты, разорвать всякую связь Запорожья с населением Гетманщины и «укротить» своеволие запорожцев, Мазепа еще в 1687 г., тотчас по вступлении в гетманскую должность, предложил правительству построить на Днепре, у северных границ Запорожья, крепость и сдерживать в ней крупный гарнизон. И действительно, в следующем 1688 году такая крепость была сооружена при впадении р. Самары в Днепр и названа Богородицкой. Гарнизон крепости должен был наблюдать за запорожцами, которые якобы готовы объединиться с Крымским ханом. Сам Мазепа отправил в качестве постоянной стражи за пороги отряды своих войск.

В это тревожное время началась война России со Швецией за выход в Балтику. Эта война всей своей тяжестью легла на население, что ухудшило и без того бедственное его положение. Несмотря на это, бояре с удвоенной силой продолжали наступление на крестьян и казаков. На Запорожье царский воевода задерживал беглецов и всячески притеснял казаков. Недовольство в казачьих областях росло с каждым днем. Особенно накаленной была атмосфера на Дону.

В сентябре 1708 г. шведские войска во главе с Карлом XII-м, которые раньше намеревались из Белоруссии идти прямо на Москву, внезапно изменили направление и вторглись на территорию северного Левобережья. Сюда шведов звали иезуитский выученик Мазепа и его немногочисленные подручные из среды немногочисленной казачьей старшины. Эти предатели стремились при помощи шведов и их союзников польских магнатов вернуть украинское крестьянство и ка-

зачество в то ярмо, которое они властили до освободительной войны 1648-1654 гг.

Предварительно Мазепа заключил тайный договор с Карлом XII-м, обязуясь оказать ему военную помощь, а также снабдить шведскую армию провиантом и фуражом. Захватом Левобережья шведы стремились обеспечить себе также связь с Крымом и Турцией, которые обещали им в помощь значительные воинские силы. Когда шведские войска приблизились к р. Десне, Мазепа с кучкой старшин, сердюков и компанейцев перешел на их сторону. Измена Мазепы вызвала всеобщее негодование.

Украинский народ, с презрением отрекшийся от изменника, поднялся на героическую борьбу против оккупантов.

Казаки и крестьяне уходили в леса, создавали партизанские отряды, наносившие противнику большой урон. Борьба приняла общенародный характер и вскорости шведы заняли на Украине оборонительную позицию: они начали отходить в исходное положение. При попытке взять г. Веприк, который защищали местное население и небольшой русский гарнизон, шведы потеряли 1200 человек убитыми и ранеными.

Между тем русские войска разбили у деревни Лесной войско шведского генерала Левенгаугта, двигавшееся из Прибалтики на помощь Карлу XII-му. Шведы и мазепинцы попали в трудное положение.

При создавшихся условиях они решили любой ценой обеспечить себе помощь со стороны Запорожья, ибо, помимо всего прочего, этим они могли сохранить связь с Крымом. Однако, когда дошло до претворения всех этих планов в жизнь, то запорожцы, сохранив свою верность России, перейти на сторону шведов категорически отказались.

Русское правительство с своей стороны не могло допустить, чтобы такая важная в стратегическом отношении крепость, как Сечь, оказалась в руках шведов или агентов Мазепы. 26 апреля 1709 г. царское правительство отправило на Запорожье полковника П. Яковлева с двумя армейскими полками. 7-го мая полки Яковлева прибыли к Сечи. К запорожцам, которых было в Сечи всего несколько сот человек, он отправил посланца с письмом, обещая им безопасность и требуя, чтобы они принесли повинную и избрали другую старшину. Но старшина перехватила посланца Яковлева и утопила его, не допустив таким образом до казаков. 14 мая 1709 г. царские войска вступили в Сечь. Оказалось, однако, что в Сечи осталось всего около 300 казаков. Большинство запорожцев незаметно

ушло на лодках через протоки, захватив с собой кое-какое военное имущество. Русские войска захватили в Сечи 36 пушек, 4 мортиры, 12 гаковниц и другое оружие, а также 13 знамен, войсковые литавры и т. д. Сечевые укрепления были разрушены. Многие из оставшихся казаков были казнены. Базаевская (иначе Чертомльцкая или Старая) Сечь перестала существовать.

Затем русские войска спустились по Днепру и стали хватать и казнить даже тех казаков, которые находились на промыслах и не принимали никакого участия в событиях. Запорожские земли были приписаны к Миргородскому полку, и «зостало Запорожье пусто».

Запорожцы не желали покинуть свою родину и стали располагаться на р. Каменке. Однако в 1711 г., по приказу царского правительства, они были изгнаны и отсюда. После этого запорожцы переселились в Алешки, к югу от впадения Ингула в Днепр, на территорию, принадлежащую тогда Крымскому ханству.

Очутившись на чужбине, запорожцы оказались в очень тяжелом положении. Лишенные права возводить оборонительные укрепления, иметь пушки, они оказались беззащитными перед произволом крымских феодалов. Поэтому называть Алешки, где располагался Кош, Сечью можно только условно. Грабежи, убийства и увод запорожцев в плен стали теперь обычным явлением. Вместе с тем, по приказу хана запорожцев при нуждали к тяжелым работам. В пользу ханской казны с них взимали разорительные поборы. Болезненно переживали запорожцы разрыв их исконных экономических связей с Украиной. Мытный трактат 1713 года, заключенный между Россией и Турцией, провел пограничную черту между реками Орелью и Самарой. Это лишило запорожцев возможности сбывать в Россию предметы своего хозяйства — скот и продукты скотоводства и рыболовства, а также вывозить оттуда хлеб, ткани, оружие и другие необходимые предметы. Резко сократился приток беглых, которые были коренным источником пополнения запорожских казаков. Запорожское казачество очутилось в ложном противоестественном положении. Оно было обречено на неминуемое вымирание. В среде казачества нарастал протест против старшинской группировки, которая, опираясь на татарских феодалов, стремилась воспрепятствовать возращению казаков на родину.

Недовольство массы запорожцев привело к тому, что в 1719 году кошевым был избран

сторонник возвращения на родину И. Малашевич.

От имени запорожского «товариства» Малашевич обратился к русскому правительству с просьбой разрешить Войску возвратиться на свои прежние земли. Когда правительство, избегавшее в то время осложнения отношений с Турцией, отказалось от положительного разрешения этого вопроса, запорожцы стали возвращаться на родину — группами и в одиночку. Последующие события со всей убедительностью показали, что Запорожские казаки решительно стояли за немедленное возвращение на родину. Забрав воинственные клейноды, казаки двинулись вскоре вверх по Днепру...

Бо́прос о разрешении запорожцам вернуть-

ся на родину был положительно решен Русским правительством в начале 30-х годов.

В 1734 году запорожцы основали на р. Подпольной, приблизительно в 6 км. от прежней Чертомлыцкой или Старой Сечи, так называемую Новую Сечь. Запорожскому войску были отданы во владение земли, которые Войско занимало ранее, и назначено годовое жалованье в размере 20.000 рублей. На постройку сечевой крепости правительство отпустило дополнительные средства. С этого времени в истории Запорожского Войска наступил новый период.

Нью-Йорк. США

(Скончание следует)

М. Черныш

ПЕСНЯ ПОКИНУТЫХ КАЗАЧЕК

(На мотив: «Ой-да ты подуй-подуй»...)

Ой-да ты подуй-подуй,
Ветер низовый,
Ты надуй-надуй
Тучу грозную.

Принеси на Дон
С моря Черного
Из чужих сторон
Дорогих гостей.

Принеси ты их
Грозной тучею —
Казаков лихих
На степной простор.

Забурлит волной
Тихий Дон Седой
И в последний бой
Смело выступит.

Сбросим цепи мы,
Цепи рабские,
Сгинет царство тьмы
Нечестивое.

Ты надуй скорей,
Ветер низовый,
С голубых морей
Тучу грозную.

Н. Альникин

КАЗАКИ В Г. МОНТАРЖИ В 1814 Г.

Ф. М. Миронов и Н. Я. Самойлов, проживающие в г. Монтаржи, прислали в редакцию «Род. Края» номер местного французского журнала «Дистрикт» (№ 15 — 1966 г.), в котором напечатана, под вышеприведенным названием, небольшая статья.

Ее содержание — письмо подполковника Ф. Ф. Дюрзи его племяннику, чиновнику Судебного ведомства в Орлеане. Автор письма, служивший в штабе ген. Миши, участвовал в военных операциях в Голландии, Магдебурге и в районе Ганновера. В

1812 г. он вышел на пенсию и поселился в г. Монтаржи, где был поставлен во главе ополчения (в то время оно во Франции называлось Национальной Гвардией) из жителей города. Редакция «Дистрикта» считает опубликованный документ очень интересным и важным.

Вот, что пишет подполк. Дюрзи:

«Ты наверно уже знаешь, что с нами случилось. Так как казакам удалось переправиться через р. Лоин в селе Суп (к северу от Монтаржи — редакция) и занять Наржи и Серуа, наш комендант решил, что защищать город нет возможности и будет более благоразумным уйти вместе с гарнизоном и боеприпасами. Это отступление произошло в полночь с 11-го на 12 февраля.

Ты, конечно, понимаешь, что если мы не считали себя достаточно сильными даже при наличии вооруженного гарнизона, то теперь, после ухода войск, наши жители притихли и чувствовали себя очень неуверенными. У всех городских ворот мы выставили посты, дабы не подвергнуться произволу небольшого отряда противника.

На рассвете их патруль появился у Сиренских ворот, а немного позже у ворот Луона. Мы их не пустили в город, сказав, что впустим лишь их главные силы.

Через несколько часов подошел, под начальством генерала, отряд из полка казаков и полка улан с двумя пушками, которые вошли в город после того, как генерал обещал обеспечить порядок и безопасность жителей, указав, что его войска расположатся на биваках около города и что он потребует только пищу и фураж.

Несмотря на это обещание, на другой день были произведены довольно большие реквизиции полотна, кож и т. д. В городе произошло несколько небольших инцидентов, но на казаков, которых я хорошо знаю, пожаловать нельзя.

Некоторые же деревни сильно пострадали.

14 февраля все эти войска направились через Бон на Питивье, оставив у нас лишь небольшой отряд в 50 человек, выставивших на все дороги посты, которые останавливали и обыскивали всех проезжаих и прохожих, и часто их грабили.

Мы узнали, что главные их силы были отбиты от Питивье и тогда они направились через Белеград на Орлеан.

В итоге у нас было почти все спокойно, но мы сильно волновалась за вас. Всю пятницу до нас доносилась сильнейшая канонада со стороны Мелена и Монтро.

В следующую ночь проезжий русский офицер, направлявшийся в отряд, шедший в вашем направлении, сообщил, что их войска имели большой успех.

Но в воскресенье утром мы увидели вернувшихся с большой спешкой русских, что подтвердило слухи об успехах Императора (Наполеона — ред.). Они оставались всего несколько часов около церкви Св. Доминика, потребовав большое количество припасов, фуражи и напитков и направились затем к Ферьер (к северу от Монтаржи), где присоединились к своим войскам, отходившим от Немура и Фонтанебло. Вместе с ними после короткого отдыха они направились к Куртанай на р. Ионе (к западу от Монтаржи).

Ходят слухи, что в Сансе они были отбиты нашими, не пустившими их дальше. Генерал Аликс преследует их с большим отрядом. Вчера он был в Немуре, а этой ночью — в Ферьер. Мы надеемся, что он нас от них избавит. Ты мне, конечно, поверишь, если я тебе скажу, что мы не хотели бы их возвращения. Несмотря на их обещания, на обратном пути они у нас произвели новые реквизиции. Их офицеры сами выбирали у купцов, торгующих текстилем, тонкие полотна, кружева, кашмиры и т. д.

В городе, конечно, без властей, без жандармерии и без войск было не очень безопасно и некоторые из жителей этим пользовались. А наши ополченцы, часто подвергавшиеся обидам и насмешкам казаков и часто ими обезоруживаемые, не стремились ревностно выполнять службу. Тем не менее нам удалось поддерживать некоторый порядок, но наши леса несколько пострадали.

Возвращение нашего гарнизона и жандармерии (все это вчера вечером вернулось из Жиена) прекратит весь этот беспорядок.

Мы невольно себя спрашиваем, что станет с нашими рабочими, уже не работающими целый месяц, и с многочисленными барочниками, которые уже давно ничего не делают и скоро смогут начать работать, так как русские разрушили с десяток шлюзов.

Я думаю, что Орлеан должен быть благодарен прежде всего Императору (Наполеону — ред.), отбившему казаков, а затем и нашим небольшим оборонительным операциям, задержавшим их на десяток дней. Иначе, вероятно, вам пришлось бы испытать их власть и обиды, если бы они имели на 8-10 дней больше».

**

Ниже приводятся два других исторических документа, относящихся к той же эпохе, о тех же событиях, но исходящие с другой, т. е. русской, стороны.

Это письма Атамана Войска Донского графа М. И. Платова.

Они были напечатаны в ежемесячном историческом журнале «Русская Старина», выходившем в С. Петербурге, в декабрьском № 1877 г. (стр. 677-687).

Редакция «Русской Старины» поместила следующее вступление:

«Платов — один из наиболее народных героев Отечественной войны 1812 г. — живет и до сих пор в памяти обитателей России и Казачества во множестве песен и рассказов. Ряд подвигов предводимого им Войска Донского занесен на страницы истории, но сам доблестный Атаман не любил писать, потому и оставил по себе не много своеручных документов. В ряду напечатанных до сих пор материалов, мы весьма мало встречали его писем: тем более интересно небольшое собрание грамоток Платова к его «истинному приятелю» Якову Васильевичу Виллие (лейб-медик императора Александра I-го).

Печатаемые 18 писем писаны в эпоху величайших событий 1812-14 гг. вождем грозной орды казаков: писаны большей частью с бивуаков и, не отличаясь богатым содержанием, представляют однако несколько черт любопытных для характеристики Платова. Обращаем особое внимание на грамотки от 25 окт. 1812 г., писанные в самый разгар гибели французской армии, и от 24 янв. 1814 г., в которой Платов, затронутый за живое обвинением в том, будто он в преследовании неприятеля дал себя обогнать нашим союзникам австрийцам, горячо рассказывает о своих действиях на марше к Парижу.

Внешность писем оригинальна: почти все на грубой, серой, оборванной и отсырелой бумаге. Для знакомства с правописанием Платова — одну из его грамоток приводим дословно.

Сообщением настоящих документов мы обязаны одному из доблестных преемников Платова, Войска Донского генерал-лейтенанту, ныне уже покойному, Якову Петровичу Баклакову».

В этом номере помещаются два письма Платова от 24 «генваря» и 18 февраля 1814 г. в той редакции, в которой они были помещены в «Русской Старины», так же, как и вступление этого журнала. Остальные письма будут помещены в одном из ближайших номеров «Родимого Края».

А донского казака, читателя «Род. Края», приславшего нам этот ценный исторический и интересный материал просим принять, как от имени читателей, так и от нашего, нашу искреннюю благодарность.

«24 января 1814 г. — при городе
Вильневе - Леруа.
Милостивый государь мой,
Яков Васильевич.

Ваше приятельское письмо с удовольствием моим я получил только вчерашний день, при городе Вильнев Леруа. Благодарю вас, моего друга, за ваше ко мне пожелание и здоровье. Я истинно уверен, что вы, по доброте души вашей, и расположением вашим ко мне сего желаете и желать будете всегда.

Пишите ко мне приятельски, что я опоздал от австрицев, к городу Бар-Серопу. Плюньте вы, друг мой, в глаза тем м....чесам, которые при Главной Квартире только сплетни сплетают. Сие я вам сказал, не за счет должностных и честных людей, а на счет праздных, которые только из утра до вечера зубы свои точат, языку своему не дают покоя и губами безпрестанно шевелят, а голова их, отягощение главной квартире в продовольствии, и подобны чекалкам. Зверь есть чекалка в Персии, которая безпрестанно лает; и вторительно вам, другу, скажу что это я выше объяснил не на счет честных людей и должностных, ибо им занявшись делом, некогда небылицы произносить, а этакие рассказы бывают от праздных м....чесов, как выше сказал.

Я вам, другу, скажу прошедшее. За Рейн я перешел и шел вперед, на город Еинал, поспешнее всех. При Еинале нашел неприятеля сильнее меня гораздо, и притом в гористых местах, при крепких дефилеях. Надо ждать принца Виртембергского, с его войском, с которым посоветовался, и вообще зделали наше распоряжение. Он, достойный хвалы, кронпринц Виртенбергский, пошел пехотой в лице, а я с левой стороны на обход города, скрывшись от неприятеля. Достойный кронпринц Виртембергский выбил их из города Еиналя, а я частью их на биваках, обошел город по стежкам, а не дорогой, а потом в тыл их, где совершенно тут неприятельский корпус был разбит, и преследуемой мною неотступно боем до города Шарма, где они имели подкрепления, и — тут не удержались и прогнаны почти до самого города Нанси. Малые остатки ушли в город Нанси, доказательством сего, их кавалерия была истреблена; начальники взяты до одного человека в плен и нижних чинов

до тысячи, а прочие побиты. Пехоты спаслось менее тысячи человек в г. Нанси, и те воспользовались в ночное время.

В то время еще никакого войска нашего не было близь Нанси, кроме того что с правой стороны оного подходили аннгарды достойного фельдмаршала Блюхера. Тут я получил повеление следовать мне через город Меруар в Ништат, где я с поспешностью воспользовался зафатить (захватить) несколько пленных и два орудия, а потом вслед получил повеление идти на Барсироп. Разлитие от распустившегося из яр снега и от сильных дождей река Мез меня не удержала. С большой трудностью переправился: вот как. Малые неприятельские партии на противной стороне по течению оной, с левой стороны, разъезжая, не воображая, что мы можем переправится, засчиская (защищая) мост. Пустил своих, Атаманского полку Орлова, по выше мосту, истинко вплывь, чего французские партии не ожидали, которые порожая их, побили или покололи; а более тридцати человек с двумя офицерами взяли в плен. Тогда я перешел реку, последовал через г. Жуанвиль, и две встречающие партии от города Васни к Барсиропу, впух разбиты. Все, в разных местах взятые, а пленные отсылаемы от меня были в ближайшие союзные войска, и рапортовано от меня обоим главнокомандующим о том.

Вы пишете, ко мне мой друг, что будто бы я опоздал к Барсиропу. Нет, я пришел прежде австрийцев один день: что же мне было делать против большого корпуса, как только оставалось тревожить его денно и нощно, пока с корпусом пришел генерал Вло и с которым я также действовал.

Я не сделал роздыху, пошел левее города Труа, через Барсюстень, Оксон и Арс, к городу Сансу, где нашел неприятеля сильнее меня, состоящий в кавалерии и пехоте и с орудиями. Не смотря на то, дралясь с ними весь день, вогнал его в форштат, и выбил его из форштата в самый город, который окружен каменной стеной, на подобие крепости. На другой день пришел в Санс города Понта сикурс левой стороной реки Сены. Нечего мне было делать с горстью людей, которых под ружьем не более двух тысяч человек.

Отступил ночью к городу Вильнев Леруа. Неприятель поутру меня атаковал близь оного. Авангард его был разбит Божеской милостью и прогнан до пехоты их, которая была на подкреплении им, и та, по счастью нашему, струсила, вошла попрежнему в город Санс, где и теперь состоит, а я около она-

го наблюдаю его. На сем деле по чести побито его довольно. Взято в плен: подполковник, четыре офицера, два трубача и нижних чинов трех сортов, как-то: гусар, драгун и конных сапер, более ста человек.

Сильная партия, отряженная от меня была еще третьего дня к городу Монтаржи, который по дороге идущей из Парижа в Арлян, отбила ведущихся туда гишпанских офицеров, полоненных в разные годы, четыреста пять человек и простых гишпанских солдат, кои прислуги им, до сту человек. Вы не можете вообразить, какая то радость от тех, гишпанских офицеров, избавившихся от рук неприятельских: воскликнают, благодарят Бога, целуют у казаков руки... Я их отправил под прикрытием до первых австрийских войск для доставлению в главную квартиру, и донес о том по команде.

Можно было бы и больше делать, но нет такого числа, с коим около Парижа было пошуметь. Я вам, друг, напомню русскую пословицу, она хотя матерная, но справедливая: «..... - ли, петь-ли, когда голоса нет». Так точно и со мной случилось, что войска нет. Я весьма добирался до города Фонтанебло, где высокопочтенейший папа содержался, но по верной выправке моей, его там нет... Наполеон слух распустил, якобы его отправил в Италию, так жители городов уверяют, но, я не верю. Надобно полагать, что он, его, папу, куда нибудь и спрятал.

Бот вам, друг мой, моя повесть. Нынешний день у меня с неприятелем драки не было, и погода днем вышла прекрасная. Я, сидя на бивуках, от скуки марал на сих двух листах мое вам изъяснение. А завтра, что будет, отгадать не могу, только скажу вам, хотя я и малые силы при себе имею а действовать против неприятеля, не отстану.

Есть и буду всегда и непремено с поим подчтением и прч. граф

Платов.

Второе приводимое ниже письмо Платова датировано 18 февр. 1814 г. Редакция «Русской Старины», публикуя его, сделала примечание: «Письмо это, как и большая часть предыдущих писем, писано Платовым собственноручно. Для знакомства с его орографией, мы приводим это письмо буквально». Слабость в грамоте Атамана графа Платова — явление вполне нормальное для той эпохи. Генерал от кавалерии граф Ф. П. Денисов, котораго император Павел хотел назначить Донским Войсковым Атаманом после смерти А. И. Иловайского, просил его

это не делать, ссылаясь на свою малограмотность.

«Милостивый Государь, истенной приятель Яков Васильевич,

Нашел свободную минуту, даю о себе вам другу знать. Хотя я инесавсем здаров, однажды как подолгу моему также и поистеному усердию тенусь и отбываю службу попословици. Хотя же я болит, а говори что свербить.

Был я слевай стороны, левее еще Фонтанебло иблиско Парижа, но как наступил на меня и с корпусом магданаль едва едва уплелся, однажды безпотери людей, исчедрался с его кавалерией четыре раза, исьмою горсточкою людей недалы себя отре-

зать приперправах через реку луаист, иконал, также реку Лион, который меня преследовал уступно три часа до города шетилен, тут я уже примкнул коастриским войскам. Аставлю продолжать далее много-бы много надобно писать о прошедшем. Бог милостию мвоею помогает избавылятица от несчастных случаев, бросаюсь как будто на жертву, безванного подкрепления.

Теперь следую поповелению фарсировано направый фланг чтоб зделать связ с фелтмаршалом брюхерем.

Працай истенной приятель ая есмь и буду всегда покорнейшим вам слуга. «На марше из Барсиропа».

Граф Платов

ИЮЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 г. И ДОНСКИЕ КАЗАЧЬИ ПОЛКИ

(Продолжение № 70)

А. Ф. Керенский — Военный министр Временного Правительства того времени, в его книге «Русская революция 1917 г.», изданной в Париже на французском языке в 1928 г., на стр. 237 пишет, что «лучшие полки — Преображенский, Семеновский и Измайловский, на которые Бр. П-во всегда расчитывало», в дни 3-5 июля «объявили нейтралитет», а на стр. 238 говорит, что «в критические моменты для Таврического Дворца, когда нужна была помочь советам, казаки, верные Правительству, от огня мятечников потеряли 7 чел. убитыми и 30 ранеными».

Доктор С. Перский в своей книге на французском языке «От Николая II до Ленина» пишет, что 6-го июля в столицу казаки (14-го Дон. каз. полка — А. П.) прибыли двумя группами по 500 человек в каждой. Выгрузились на Николаевском вокзале. Там их встретил офицер, назвавшийся поручиком Мазуренко, который «по распоряжению Штаба Петроградского Округа» дал приказ командиру 14-го полка провести казаков в пешем строю на Знаменскую площадь, следя по определенным улицам. На одной из этих улиц казаки были обстреляны из домов и потеряли несколько человек ранеными. К-р полка оставил на месте обстрела

одну сотню казаков, приказав обыскать дома и захваченных с оружием в руках расстреливать на месте. Оказалось, что стреляли из окна коммунистической ячейки, где было захвачено несколько вооруженных солдат и рабочих — большевиков. Во время обстрела поручик, представившийся как Мазуренко, исчез. Оказалось, что настоящий пор. Мазуренко в это время находился на вокзале, ожидая приказаний Штаба Округа, а казаков, как потом выяснилось, на Знаменскую площадь повел немецкий провокатор, который и подвел их под обстрел, желая этим вызвать беспорядки.

По свидетельству С. Перского, во время отпевания убитых казаков в Соборе в толпе наблюдались такие картины: бедно одетая женщина с цветами в руках пробирается к цепи, охраняющей путь, по которому должна следовать похоронная процессия. Ее останавливает милиционер и спрашивает, в чем дело? Женщина отвечает: «Я плачу по нашим защитникам — по убитым казакам». Но милиционер ответил: «Чего тебе плакать? Уходи за цепь, иначе тебя раздавят..» и прогнал ее за цепь.

Пишет С. Перский, что Керенский, в своей нагробной речи, обращаясь к толпе, говорил: «Века вы были рабами, теперь вы

— свободные граждане. Защищайте свободу, как эти убитые казаки...» и потом призывал толпу поклясться «на гробах убитых казаков, принесших жертву, безпрекословно исполнять приказы правительства и защищать Родину и Свободу». Со всех сторон раздались крики: «Мы клянемся...».

С. Перский, наблюдавший картину похорон, пишет: «Вся процессия прошла перед мною. За колесницами с гробами двигалась большая колонна донских казаков в боевом вооружении, в своей форме — синей с красным. Какие замечательные части... Единственные в мире по своей добровольной ди-

циплине, выпрявке, в своей примитивной степной красоте. Если бы Россия имела в армии на один миллион казаков больше, немцы давно были бы изгнаны с нашей территории. Века казаки, состоя на службе России, всегда были сторонниками и защитниками мира и порядка в стране. Большевичская пропаганда и сейчас не коснулась их. И сейчас они свидетельствуют, что готовы отдать все свои силы в распоряжение энергичного правительства, могущего независимо какими способами подавить в стране анархию, навести порядок».

Надпись под фотографией: «2-ая сотня 14-го Дон. каз. полка в то время, когда 6 июля полк по прибытии в Петроград продемонстрировал в пешем строю по его улицам, во взводных колоннах, имея во главе старое

полковое знамя, а для «устрашения пролетариата» вслед за знаменем шла пулеметная команда в 36 пулеметов (20 «максимов» и 16 «люисов»).

II. КАЗАЧЬЯ ЛИТЕРАТУРА

Донской казак — полк. А. Н. Греков, казачий Союза Казачьих Войск, в статье «Союз Казачьих Войск в Петрограде в 1917 г.» (Донская летопись, т. 2-й), нередко, как

и другие авторы, не дает ясного и последовательного изложения событий 3-5 июля и подробностей о действии казачьих полков, что отмечает и проф. Мельгунов в его труде

«Как большевики захватили власть», ставя это обстоятельство Грекову, как казаку, в минус. Несмотря на все недочеты свидетельства А. Н. Грекова, он ясно говорит: «3-го июля по телефону от Командующего войсками Петроградского округа ген. Половцева сообщили в Совет Союза Казачьих Войск, что рабочие фабрик подняли восстание на Петроградской стороне, устроили митинг у дома Кшесинской и думают арестовать Бр. пр-во и захватить власть в свои руки, что на улицах появились автомобили с неизвестными лицами, останавливаются у казарм войсковых частей и приглашают их примкнуть к вооруженному выступлению. Необходимо направить на них казачьи полки, что уже сделано распоряжение быть на готове I-му и 4-му Дон. каз. полкам и спрашивали, можно ли вполне положиться на казаков. На это был дан ответ, что 1-й полк благонадежен, что 4-й полк внушает некоторое недоверие, но что и он не решится не исполнить приказание, раз таковое последует».

Чтобы подготовить полки к выступлению, в. стар. А. Н. Греков был командирован в 1-й полк, а сотник Калмыков в 4-й. Тогда же была срочно вызвана полусотня от 4-го полка для охраны Зимнего Дворца. Полк исполнил приказание и полусотня 4-й сотни с офицерами сотн. Генераловым и сотн. Козюбердиным отправлена к Зимнему дворцу.

4-го июля с утра к восставшим примкнули Гренадерский и Пулеметный полки. Преображенцы, Семеновцы и Измайловцы объявили, что они держат нейтралитет. В этот день с утра на Дворцовую площадь для охраны Дворца и штаба Главнокомандующего высланы были 5-ая сотня 4-го полка, сотня 1-го полка и 2 орудия 6-й Дон. гвардейской батареи.

Полусотня 4-го полка, ранее бывшая у Зимнего, переведена к Аничковому Дворцу. В этот день толпы рабочих двинулись по Невскому проспекту. По городу раздавались выстрелы. Положение становилось очень тревожным. Была вызвана еще одна сотня, сотня 1-го полка, которая, едва свернув с Невского к Литейному, налетела на заставу, выставленную большевиками с 2-мя орудиями; не дав опомниться, сотня атакой сбила заставу и загнала ее за мост, однако потеряла убитыми 5 чел. и ранеными 9-ть, тяжело был ранен сотник Хохлачев, на другой день умерший от ран.

Отряд казаков, бывший у Зимнего Дворца (сотня 1-го п., сотня 4-го пол. и 2 орудия

6-й Дон. гв. батареи), шедший к Литейному мосту, попал в засаду и был обстрелян из пулеметов, потеряв 4-х казаков убитыми (2-х 4-го п. и 2-х 6-й Дон. гвар. батареи) и 11 ранеными.

Гвардейские пехотные полки, узнал о выступлении казаков, 5-го июля тоже стали на защиту Бр. пр-ва. Безусловно в подавлении восстания главную роль сыграли казаки, это сознавало Бр. пр-во, так понимали и жители Петрограда. Первые дни после описанных событий казаки пользовались громадным почетом и уважением. Бывали случаи, когда при входе кого либо в казачьей форме в общественное место, в ресторан, где много было публики, все вставали и приветствовали вошедших рукоплесканием.

Когда в городе узнали об убитых казаках, то в помещение Совета С.К.В. стали являться жертвователи: одни в пользу семейств убитых, другие на памятник убитым, третьи на устройство религиозных похорон. Наплыв жертвователей был настолько велик, что пришлось установить безпрерывные дежурства членов Совета для приема этих похорон. Жертвовали и деньгами и вещами, между последними были и драгоценные.

Кроме того, по примеру театра «Мне», устроившего первым благотворительный спектакль, многие театры, кинематографы и сады, как, например, «Буфер», устроили ряд благотворительных вечеров и весь сбор отдали в пользу жертв 3-5-го июля. Пожертвованные вещи были разыграны на лотереи в Павловске. Общая сумма пожертвований достигла более 800 тысяч рублей.

В виду такой огромной суммы пожертвований, решено было как можно торжественнее устроить похороны казаков, похоронить их в Александро-Невской Лавре и воздвигнуть над могилой памятник в образе Часового. Кроме того семействам убитых казаков было выдано тогда же по 10 тысяч рубл., а оставшуюся сумму обратили на образование стипендии для обучения детей убитых казаков, как в низших, средних, так и высших учебных заведениях. Хлопоты по устройству похорон были возложены Советом на А. Н. Грекова. Долго не удавалось получить разрешения на устройство этих похорон, т. к. Совет солдатских и рабочих деп. требовал устройства общих похорон жертв, как с одной стороны, так и с другой. Грекова дважды вызывали в Таврический Дворец, но он категорически отказался от общих похорон и в конце концов разрешение было получено. Многие боялись какихнибудь вы-

ступлений со стороны большевиков во время похорон. По ходатайству Грекова, в день похорон по пути следования процессии была снята милиция и охрану взяли на себя казаки, о чем было объявлено заблаговременно.

Похороны прошли в полном порядке и с большой торжественностью. Трудно описать величественную картину похорон. От Исаакиевского собора, куда накануне вечером были перевезены гробы с убитыми, процессия протянулась по всему Невскому и когда голова процессии входила на Знаменскую площадь, то хвост ее находился на Морской улице. Впереди, в три ряда несли венки, которых насчитывалось до 30-ти, между ними много серебряных. Особенно красив был венок от Совета С. К. В., изображавший Георгиевский крест, сделанный из белых и желтых цветов, так как среди убитых большинство было кавалеров Военного ордена, получивших его в Великую войну. Затем тянулись 8 катафалков с убитыми (двух казаков артиллеристов, по желанию батареи, похоронили отдельно в Павловске — месте постоянной стоянки батареи), за ними масса духовенства от многих церквей Петрограда с хоругвями, Совет Союза Казачьих Войск, делегации от многих учреждений и даже от Совета сол. и р. депутатов, все казачьи полки в полном составе и конном строю и особый воинский наряд.

А. Ф. Керенский и здесь воспользовался обстановкой, чтобы произнести речь. Когда гробы вынесли и поставили на катафалки, он с паперти собора обратился к многочисленной толпе со словом, в котором, указывая на гробы, приглашал всех сплотиться и встать на защиту родины от внешнего врага: «Пусть эти тела послужат вам примером, как нужно любить Родину и не бояться умереть за нее», этими словами закончил он свою речь. В ответ на речь толпа ответила громовым «ура», что как-то не гармонировало с торжественностью траурной процессии и вызвала у многих неодобрение неуместному выступлению Керенского.

Н. М. Мельников, бывший в дни событий 3-5 июля председателем Дон. Войс. Круга, в его статье в сборнике «Казачество» на стр. 223-224 пишет: — «Правительство демократа, а затем социалиста Керенского обратилось к казакам в Петрограде пустить в ход против бунтовщиков и революционных организаций не только нагайку, но и винтовку. И казаки исполнили приказ ministra социалиста, как государственники и люди порядка, ибо приказ этот исходил от носи-

телей верховной власти, признанной тогда большинством народа... Торжественно похоронив убитых 3-5 июля большевиками казаков, через короткое время казаки увидели на свободе тех, в кого право приказывало стрелять, как во врагов родины: арестованные главари были выпущены на свободу тем-же пр-вом и открыто громил казаков повсюду, называя их палачами и опричниками. Заколебались 1-й и 4-й Донские полки, спасшие положение в Петрограде в июльские дни».

К. П. Каклигин, член Дон. пр-ва того периода, в его статье «Войсковой Атаман и его время» (Донская летопись, том 2-й) в главе 3-й пишет: »Казаки, как крепкие части, сохранившие дисциплину, обращаются на установление порядка... Они подавляют вооруженной рукой большевистское восстание в Петрограде 3-5 июля, понеся при этом жертвы людьми. Однако усилия казаков оказались безрезультатными — остановить стихийного процесса развала армии они не могли».

Професор И. Малиновский, присутствовавший на Московском Государственном Совещании в августе 1917 г., в журнале «Донская Волна» писал:

«Атаман Каледин на Госуд. Совещании в казачьей декларации в пункте 6-м говорил: — Казачеству брошено обвинение в реакции и контр-революции после того, как казачьи полки, спасая революционное пр-во, по приказу министров-социалистов 3-го июля вышли решительно, как всегда, с оружием для защиты государства от анархии и предательства и подавили восстание большевиков». Против этого заявления Атамана Каледина никто из участников Совещания не протестовал и не отметил, что в подавлении восстания принимали участие не только казаки, но и другие части.

Н. М. Мельников, бывший членом Донской делегации на Московском Госуд. Совещании, в его воспоминаниях «Личность и деятельность Атамана Каледина», в «Донской Летописи» том 1-й, глава 3-я, не только подтверждает сказанное профессором, но и отмечает, что на это заявление Атамана Каледина по пункту 6-у «вся зала аплодировала».

Отмечает этот факт и П. Н. Милюков в его «Истории 2-й русской революции», отмечено это также в ряде статей, посвященных памяти атамана Каледина и Московскому Совещанию, в журналах «Казачий путь» и «Путь Казачества». Все это свидетельствует о том, что Московское Госуд. Совещание

признало, что восстание большевиков 3-5-го июля было подавлено только при помощи казаков.

Полк. Ф. Елисеев в «Р. Кр.» № 58 поместил статью «Еще одна казачья страница». Она еще в памяти читателей «Род. Кр.» — но я все таки приведу из нее выдержки, т. к. у меня в отделе «обзор совет. литературы» будет идти речь о кубанской дивизии без указания номера, но речь идет несомненно о дивизии, о которой говорит полк. Елисеев. Из этого материала будет видно, что дивизия не «опоздала», а ее, по требованию Совета сол. и раб. депутат., задержали на подступах к Петрограду и не впустили в Петроград.

Полк. Елисеев пишет, что 5-ая Кавказская (кубанская казачья) дивизия в составе 1-го кавал. корпуса перебрасывалась к Петрограду, где и было выступление большевиков с целью свергнуть Бр. пр-во, «что корпус опоздал» и что «восстание подавили 1-й, 4-й и 14-й Донс. казачьи полки и что по этому дивизия проследовала в Финляндию, где из Казачьего Союза в Петрограде дивизия получила приглашение «прислать одного офицера и казака для участия в похоронах донских казаков, погибших при подавлении восстания». Ко дню похорон Казачий Союз выпустил однодневную газету «Вольность», в которой известные российские писатели посвятили свои статьи Донским казакам, погибшим при подавлении восстания. Для

продажи ее был назначен особый наряд казаков. Выручка от продажи газеты должна была пойти на помощь семьям убитых казаков.

При похоронах на площади перед собором были выстроены три Донских полка, имевшие на правом фланге казачью сотню юнкеров Николаевского Кавалерийского училища. Вид конных полков был величественный, на пиках одеты траурные флюгера, говорившие зрителям о горьком казачьем трауре. В соборе было 9 гробов убитых казаков и тело сотн. Хохлачева, также погибшего при исполнении воинского долга. Когда гробы были вынесены и поставлены на катафалки, Керенский в его речи, обращаясь к стоящим на площади, кричал: «Поклянемся над этими казачьими жертвами, что мы отомстим большевикам» и толпа гулом голосов отвечала «кля-а-нем-ся-я». При движении процессии к месту вечного упокоения, громадный Невский проспект и прилегающие улицы были заполнены безчисленным народом с обнаженными головами. Гробы были вынесены членами Временного Пр-ва, которые и провожали тела убитых к месту упокоения.

Из всего этого полк. Елисеев делает совершенно правильный вывод, говоря: «Если в печальных похоронах участвовали не только Донские казаки, но и члены Бр-го пр., то значит, главную роль в подавлении восстания играли Донские полки».

III. СВИДЕТЕЛЬСТВА ИНОСТРАНЦЕВ

Английский посол в Петрограде **сэр Бьюкенен** в его книге «Моя миссия в России» рассказывает о событиях 3-5 июля: «Пока мы обедали, казаки атаковали кронштадских матросов, собравшихся в прилегающем к посольству сквере, и заставили их обратиться в бегство. После этого они повернули обратно по набережной и попали под перекрестный огонь. Мы увидели лошадей без всадников, мчавшихся галопом, и как на двух казаков, ведущих плленных, напали солдаты и убили их под нашими окнами». Как видим, речь идет опять только о казаках.

Дочь английского посла, **Мариэль Бьюкенен**, в ее книге «Крушение Великой Империи», тоже рассказывает о действиях 3-5 июля против большевиков только казаков. Она пишет: — «на Невском проспекте происходили сильные бои, на Марсовом поле послышалась стрельба пулемета. По Суво-

ровской площади и по Марсову полю прошли тысячи кронштадских матросов. В обеденное время толпа матросов стала распространяться по Суворовской площади, некоторые из них бежали по мосту и вдоль набережной с обеих сторон. Одни из них бежали молча, другие с криками и проклятиями, а за ними в облаке пыли мчались вдоль Марсова поля казаки, стоя на стременах и стреляя в воздух вслед убегавшим матросам, другие размахивали шашками, третьи, низко наклонившись к седлу, с пиками в руках. Повернув вдоль набережной, они поскакали по направлению к Летнему саду и едва стих шум лошадиных копыт, как послышалась резкая стрельба, которая продолжалась несколько минут. Потом раздался выстрел из орудия, секунду спустя поскакали 3-4 казачьи лошади без всадников и исчезли в направлении Зимнего дворца. Выяснилось потом, что казаки попали в за-

саду у Летнего сада, после чего применили оружие и должны были вести с большевиками настоящий бой на Литейном и в других местах». Засада в Летнем саду, по свидетельству Дыбенко в его воспоминаниях «Из недр царского флота к великому октябрю», была устроена Балтийскими матросами по распоряжению Раскольникова.

Сам Раскольников в его труде «В июльские дни» не только рассказывает об этой засаде, но и подчеркивает, что пр-во защищали только казаки и только с ними матросам пришлось иметь дело. Засаду у Летнего сада он относит к 4-у июля.

А. М. Бьюкенен, продолжая свои воспоминания, пишет: — «И только на другой день к вечеру, т. е. 5-го июля, вышли пехотные гвардейские полки, которые в сопровождении броневиков и захватили мосты, чтобы изолировать большевиков на той стороне реки. Но войска, примкнувшие к большевикам, захватили крепость и угрожали тяжелыми орудиями. Около крепости появи-

лись казаки и большевики, не оказав сопротивления, сдались, после наступила тишина и только время от времени проезжали по улицам города казаки и их длинные пики торчали к небу и громко в тишине раздавался стук подков казачьих лошадей».

Взятие крепости относится к 6-у июля, и во взятии ее принимал участие 14-й Дон. каз. пол., прибывший в Петроград 6-го июля в составе «особого отряда». Английского посла и его дочь никак нельзя заподозрить в особых симпатиях к казакам.

Французский журналист Клод Аиэ, в его книге о русской революции, пишет, что он в беседе с новым французским послом в Петрограде Нюланом, знакомя его накануне 3-5 июля с положением Бр. пр-ва, говорил Нюлану, что у пр-ва нет иной силы, кроме моральной, если не считать казаков, силы которых слабы.

(Продолжение следует)

А. П. Падалкин

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЬСКОМ ОТДЕЛЬНОМ ФРОНТЕ

(Илецкое восстание — продолжение № 70)

В декабре 1917 г. после заключения мира в Брест-Литовске, на Юго-Западном фронте начались усиленные «братания» и дезертирство. В 16-ом Армейском корпусе (8-ая армия), в составе которого был 8-ой Уральский каз. полк, было проведено в жизнь «выборное начало». Полк был расположен в ближайшем тылу корпуса с задачей охранения интендантских складов.

В один прекрасный день командир корпуса ген. Щ. со шт. кап. В. приехали в полк. Оказалось, что ген. Щ. советом солдатских депутатов был смешен со своего поста и вместе с ново-выбранным командиром корпуса ш. кап. В. «сбежали» из корпуса к нам.

Развал на Ю.-З. фронте был полным. 1-й Уральский каз полк (9-ая кав. дивизия) с теми же задачами, что имел и 8-ой полк, находился поблизости от нас. Оба полка решили, что в таких условиях оставаться на фронте не к чему. К этому их побуждали неоднократные безтолковые требования Временного правительства и угрозы и напа-

дения дезертиров, нападавших не только на одиночных казаков и отдельные их группы, но даже и на расположение полков. Нападения солдат, дезертировавших целыми полками и бригадами, кончались всегда печально для них, но положение создавалось невыносимое. Для начала было решено воспользоваться приказом по армии нового главнокомандующего прaporщика Крыленко об освобождении нескольких старших возрастов. 8-ой полк был 3-ей очереди. Из этих освобожденных из двух полков был сформирован эшелон в 250 человек. С конями, с оружием, запрятанным под настилкой вагонов, в Хотине эшелон погрузился в вагоны для отправки на Урал. Открыто было оставлено несколько винтовок для возможной сдачи. Погоны, кресты, медали были сняты.. Вести эшелон был назначен пишущий эти строки. Вагоны были взяты си лой. На каждом большом ЖД узле мне было приказано оставлять отдельных казаков с донесениями для наших полков о своем пе-

редвижении и вообще об обстановке на ЖД линии.

После 22-ух дней мытарств, без одной выводки коней, сохранив оружие, эшелон 13 янв. 1918 г. благополучно прибыл в Уральск, а полки 1-ый, 8-ой, 1-ая батарея, сотня Л. Гв. Сводно-Каз. полка прибыли, также с оружием, в середине февраля. Их «походом» руководил гл. об. командир 8-го полка полк. С. Г. Курин. По пути они должны были (частью выгрузившись в поле) атаковать Воронеж и Саратов для принуждения советских властей пропускать их безпрепятственно.

Еще при моем проезде через Воронеж там уже существовал «Штаб войск, воюющих против Каледина». В этом штабе мне пришлось побывать и защищаться там всеми правдами и неправдами от сдачи оружия, коней и даже и седел. Мне удалось проскочить с оружием только потому, что у меня имелась расписка с печатями и соответствующими подписями о сдаче нами коменданту одной из ЖД. станций 220 винтовок. Фактически же они сданы не были и расписку эту я получил не совсем нормальным образом. Я сдал всего 20 подготовленных винтовок, комендант был малограмотным и к тому же пьяным, и количество сданных винтовок написал только цифрами и моим же карандашем. А мне ничего не стоило попросить нашего вахмистра поставить тем же карандашем впереди цифру «2», вот и получилось 220.

На требование в Воронеже начальника «штаба» не славянского типа Муралова, я ему сказал, что кони, седла и шашки являются личной собственностью казаков и что он может их купить у них с их согласия. На этом все это и кончилось.

На ЖД станции Воронежа был большой беспорядок и нам удалось выбраться оттуда лишь благодаря помощи одного ЖД служащего, донского казака, и начальника товарной станции. При моем посещении он посоветовал закрыть двери вагонов и не выходить до вечера на станцию, а ночью перевели эшелон на товарный вокзал, прицепил паровоз и без всякого спроса коменданта станции отправил эшелон дальше.

После сдачи в Уральске отчетности по эшелону, я уехал в свою Илецкую станицу в ожидании прибытия полка.

Илецкая станица, где произошло первое вооруженное столкновение с красной гвардией, находится на самом севере земли Уральских казаков от Уральска в 150 верстах, от Оренбурга в 120. Ближайшая ЖД

станция Новосергеевка — в 70 верстах на ЖД линии Самара-Ташкент. Это единственная станица Уральского Войска, которая расположена на левом (бухарском) берегу Урала. Она была административным центром для соседних 3-ех станиц: Студеновской, Мухрановской и Мустаевской с их хуторами, и коммерческим центром для киргизских аулов, находившихся от нее радиусом до 50 верст. По понедельникам там бывали большие базары — ярмарки скота. Киргизы пригоняли табуны — гурты скота, а самарские купцы и оренбургские казаки были покупателями. Населения тогда было в станице до 10 000 душ, из них 10-15% иногородних. Настроение их в ту эпоху было разное: у казаков было «твердое» и против большевистское, а иногородние, несмотря на их хорошее материальное положение, особенно молодежь, сочувствовали красным, и были случаи, что дети богатых людей записывались добровольцами в пришедший в станицу отряд красной гвардии, принимали деятельное участие в организации 1-го Совета и т. д.

Казаки-фронтовики от войны устали, и на войну не рвались, но большевиков среди них в станице, ни вообще в Войске, не было, за исключением нескольких лиц, имена которых потом были всем хорошо известны: доктор Ружейников, сотник Чеботарев Виктор, хор. Зузанов, подхор. Почиталин и еще, возможно, несколько неизвестных.

После демобилизации, возвратившись по станицам, многие казаки нуждались во всем. Во помощь им был организован станичный «Комитет помощи фронтовикам». Впоследствии этот же Комитет превратился в «Комитет Обороны» и был организатором восстания против красных.

Такое настроение я застал вернувшись с герм. фронта в середине января 1918 г. Вначале все было спокойно. Оренбург большевики заняли в начале февраля и вскоре после этого я видел сотню Оренбургского Военного Училища, ночевавшую в станице и отходившую в Уральск, где училище потом было распущено.

Вскоре после занятия Оренбурга красными пошли слухи, что большевики скоро придут в Илек. Никто этому не придавал значения — не верили. Как, придут в Илек? Были еще сильные морозы, а 1-я ЖД станция от нас — в 70 верстах. Жили спокойно, я успел жениться, съездить в Уральск, куда был вызван на демобилизацию полка.

И вдруг, 10-го марта, как снег на голову, в станицу пришел отряд красной гвардии,

около 800 чел. пехоты, до полусотни конных, с 3-я пулеметами и с запасом оружия для возможных добровольцев. Разместили их по квартирам в центре станицы. Помещение, где был Клуб, было занято под штаб отряда. Мой дом был рядом с Клубом, но ко мне казаки-квартирьеры из станичного правления никого не поместили под предлогом находящихся будто бы в доме больных сыпным тифом.

После обеда комиссаром отряда было приказано собрать станичный сход, который и собрался на станичной площади и был немедленно окружен вооруженными красногвардейцами, а за углом магазина купца Муратова был поставлен их резерв с пулеметом.

Комиссар немедля продъявил свои требования:

1. «Принять советскую власть...». На сходе, как обычно, поднялись крики, но потом ему был дан точный ответ: у нас есть своя власть — Войсковое правительство в Уральске, к нему и обращайтесь. Если наше Правительство примет вашу власть, то и мы примем.

2. «Сдавайте оружие...». Опять поднялись крики возмущения, но был дан ясный ответ: оружия у нас нет, при демобилизации оно всеми было сдано в Уральске.

3. «Выплатите контрибуцию в 2 000 000 рублей...». Снова поднялся крик, но уже с угрожающими жестами... обстановка накаливалась и комиссар приказал стрелять из пулемета по сходу. Невооруженные, казаки разбежались кто куда мог. Но, повидимому, заранее было приказано стрелять по верху, т. к. убитым оказался лишь один подхор. Фролов.

У нас действительно никакого оружия не было, за исключением случайных 10-15 винтовок и десятка или двух охотничих ружей. Шашки, конечно, фронтовики имели все, да еще несколько пик почему то сохранившихся в станичном правлении. После разгона схода красные ушли с площади, а разбежавшиеся казаки тайно собирались в стан. правлении. «Комитет помощи» был превращен в «Комитет Обороны» с полной властью от «общества», как в подобных случаях называли «властвовавших».

Комитет немедленно связался с полк. Д. А. Балалаевым, который после демобилизации жил в г. Илеке и пользовался большой любовью и уважением казаков станицы. «Комитет Обороны» вынес постановление держаться тех ответов, что были даны комиссару на сходе и предъявить ему ульти-

матум покинуть станицу к 12 ч. дня вторника (сход был в субботу). Если же он этого не сделает, то пусть берет на себя все последствия. Одновременно предупредить казаков станицы, что в случае отказа комиссара выполнить требование Комитета, 13 марта атаковать и выгнать красных.

В постановлении Комитета Обороны было добавление: казаки и офицеры, которые не будут выполнять приказов Комитета Обороны, будут «лишены всех казачьих прав».

После схода большевики арестовали несколько богатых людей, не желавших платить установленные красными суммы, и несколько офицеров: сот. Сорокина, хор. Сергеева. Арестованные были отведены в Клуб. Было также реквизировано несколько коней, седел и шашек у казаков.

Так как ультиматум еще не был послан, то к нему добавили требование освободить арестованных и вернуть захваченное имущество. Обстановка сгущалась и накалилась... Комитетом при большом участии полк. Балалаева был выработан план действий и атаки. Полковник еще укрывался, связь с ним поддерживалась через назначенных Комитетом лиц. Необходимо отметить энергию и работоспособность Комитета, главными его руководителями были подхор. Разживин Александр, Небатаев Иван и некоторые другие, имена которых я не помню.

В воскресенье, 11 марта, в соседние станицы были посланы гонцы с просьбой о помощи, с указанием, что если таковая будет, то требовалось обложить г. Илек со стороны Урала и по набату в станице — ее атаковать. Сама станица или город Илек, как я ее называю, базарной улицей была разделена на два участка. Участком в сторону р. Илека командовать назначен был пишущий эти строки, а другим — в сторону моста через р. Урал и паровой мельницы — сот. В. С. Юткин.

Со стороны красных, занимавших станицу, никаких новых действий не было. Потом стало известно, что они ждали подкреплений.

Наш ультиматум был вручен комиссару в понедельник утром 12 марта. Ждали полуудня вторника напряженно, за час-полтора до восстания произошло несчастье, которое еще больше накалило атмосферу. Двумя красногвардейцами, пришедшими за ним, был арестован сот. В. С. Юткин. Повели его в Клуб. Обидно стало ему, что его, георгиевского кавалера, два каких то мужиченка, на глазах у всех, арестовали и ведут, как вора или пьяницу... Василий Сергеевич был произве-

ден в офицеры из подхорунжих после получения двух Георгиев в одном полку со мной. Под конец войны, уже сотником, командовал 3-й сотней 8-го Уральского Каз. полка. Когда вывели его на улицу, потемнело у него в глазах, не стерпел удалой, вырвал он винтовку из рук одного из его сопровождавших и заколол его на месте. Другой успел бежать. Недалеко от места происшествия, находилось около взвода красногвардейцев, они бросились к сотнику и он был убит в соседнем дворе. Вооруженных казаков никого поблизости не было. Согласно плану атаки, к этому часу они были на окраинах станицы, незаметно, по дворам сосредоточиваясь вокруг постов красных. По первому удару набатного колокола они должны были снять посты и двигаться к центру.

Мне удалось избежать ареста, несмотря на то, что я временно жил в доме тещи, соседнем со штабом красных. Красный патруль приходил за мной еще в воскресенье, но моя теща его уверила, что я уже три дня тому назад с женой уехал в Уральск. Коней в доме не было, они были у моего отца — доказательство моего отсутствия было на лице.

С утра 13 марта казаки, главным образом Студеновской станицы, обложили г. Илек со стороны моста и правее. Все они приехали на санях. Не ожидая тревоги-набата, они в пешем строю по льду повели атаку на Чельшеву мельницу, где была расположена красная пехота с пулеметами. Завязался бой... К красным подошло подкрепление. В это время раздался набат, посты красных, расставленные вокруг станицы, были сняты казаками, все двинулись к центру. Полк. Балалаев руководил наступающими казаками. Студеновцы взяли Чельшеву мельницу, а пехота красных, не зная, что клуб и центр станицы уже заняты казаками, отступала в этом направлении. Конница их бросила свою пехоту и ускакала по дороге в Оренбург.

Клуб — штаб отряда красных — был взят приступом, несмотря на жестокий пулеметный и винтовочный огонь оттуда. Казак-богатырь Зиновий Баранов, плечом выбил запертую и забаррикадированную дверь, казаки ворвались внутрь, перебили красных и освободили арестованных. Утром потом рассказывали, что все стены были забрызганы кровью. Главный руководитель красных, иногородний, комиссар Чукан был еще до взятия клуба убит, пронизан пешней, казаком Венедиктом Савиным, моим соседом и

соседом клуба. Целый вечер трупп Чукана лежал перед воротами двора Савина.

Пехота красных, отступавшая к центру станицы, была почти вся перебита наступающими студеновцами и казаками станицы, в каждом каз. дворе ожидающими ее с ружьями, вилами, пешнями, с чем попало. Даже мальчишки казачата пронимали в этом участие. Каким то чудом уцелевшие укрывшиеся, красные вылавливались и приводились на площадь станичного правления. К 6-и часам вторника 13 марта все было кончено — красных больше не было. Я возвратился в станичное правление и нам с полк. Балалаевым пришлось потратить много усилий, чтобы удержать казаков на площади от самосуда над приводимыми красногвардейцами и красными добровольцами из местных иногородних. Центр станицы и клуб были завалены трупами убитых красных. Атаманом станицы и Комитетом обороны были спешно назначены казаки для очищения станицы: во льду Урала были пробиты большие проруби и все трупы были спущены под лед.

До позднего часа мы с полк. Балалаевым оставались в станичном правлении. Наши потери в этом, до крайности импровизированном, бою были ничтожны — несколько казаков легко раненых.

Вечером же 13 марта нами был послан гонец в Уральск с докладом Войсковому правительству о случившемся. Ибо восстание в Илецкой станице произошло стихийно, неожиданно и без всякого участия в нем Уральска.

Вернувшись домой, я увидел, что весь двор полон коней, а дом полон казаков: то сотня Бородинского поселка пришла нам на помощь. Поселок этот расположен в 45 верстах от Илека, чем и объяснилось опоздание казаков. Остановились же они все у меня, так как их привели вахм. Тетиков и подхор. Сигней Давыдович Ражков. Тетиков был вахмистром в моей сотне в 8-м Уральском полку, а Ражков был охотником: было ему 77 лет, на груди у него было 4 георгиевских креста, 4 медали, имел одну деревянную ногу. В нашем полку он был знаменосцем, но всегда находился при мне, так как я был инициатором его принятия в полк.

Едва я успел поужинать и прилечь, как раздался набат на двух церквях. Я немедленно направился в станичное правление, там нашел полк. Балалаева и казака с заиндевневшей от мороза бородой, который только что прискакал из поселка Лапаза, ближайшего к ЖД станции Новосергеевск

с донесением, что из Лапаза выступил большой отряд красных, с артиллерией, в направлении на Илек. От Илека до Лапаза около 40 верст. Отряд этот выступил после обеда.

Наша станичная площадь уже полна конными и пешими казаками. Полк. Балалаев, выйдя на крыльце правления, сообщил собравшимся о полученных сведениях и приказал всем быть на площади, конными или пешими, кто как может, на утро следующего дня.

Утром, как приказано, я явился вправление. Полк. Балалаев приказал мне взять всех конных, собравшихся на площади, и занять поселок Уманский в 4-ех верстах от стан. Мухрановской, через которую подумому, и должны пройти красные. Оставаться скрытыми, выслать гонцов в Студеный и соседние поселки и хутора с просьбой о помощи. При движении красных пропустить их, дать им выйти из станицы Мухрановской, после чего занять ее и атаковать красных с тыла. Пехота наша, под командой ес. И. И. Портнова, займет перевал в луке Зумора (на половине пути до Илека) и атакует красных в лоб, одновременно со мной.

Я занял Яманский, выслав разъезды для наблюдения за дорогой. Со всех сторон ко мне начали прибывать конные казаки, набралось у меня около 500 человек. Но разъезд, наблюдавший за дорогой, скоро доложил, что отряд красных, выйдя из Лапаза, был догнан их разъездом, после чего повер-

нул влево и ушел на село Кулагино Самарской губ., через хут. Ржавский. Немедленно был уведомлен об этом полк. Балалаев, который с пехотой отошел в г. Илек. Мне также было приказано возвратиться, распустив по домам казаков, собравшихся нам на помощь.

Так как телеграфное сообщение Илек-Уральск шло через Оренбург, занятый в то время большевиками, наша связь с Войск. Правительством была установлена посылькой гонцов. Поэтому решение Уральска было нами получено через несколько дней. На совместном заседании Войск. П-ва и Войск. Съезда было решено, что Войсковая власть всю ответственность за события в Илеке берет на себя, а в случае новых нападений красных на наши станицы обещает нам помочь. Будучи морально поддержаны В. П-вом, мы были готовы к возможным в будущем осложнениям. До наступления полной распушки, таяния снегов и вскрытия Урала, большевики несколько раз выходили со станции Новосергеевки напасть вновь на Илек и каждый раз наши дружины выходили им навстречу. Но наши тревоги были напрасны. Каждый раз по выходе из Лапаза большевики поворачивали вправо или влево.

Наконец Урал вскрыл и мы оказались отрезанными от всего мира, кроме Оренбурга. Между ним и Илеком нет ни рек, ни иных естественных преград: ровные степи тянутся по левому берегу Урала.

Париж.

П. А. Фадеев

КНИГА, КОТОРАЯ ЗАСЛУЖИВАЕТ НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ, НО КОТОРАЯ ЕЕ НИКОГДА НЕ ПОЛУЧИТ

Под таким заглавием в июньском номере «Часового» (№ 492) была опубликована рецензия на книгу известного польского писателя Мацкевича «Лева Вольна» (Лондон, 1965).

В прошлом Мацкевич — участник гражданской войны в России и войны Сов. Союза с Польшей. Другая его книга «Контра» описывает гражданскую войну на Дону и судьбу семьи донского казака и заканчивается выдачей главного героя в Лиенце.

Мацкевич не только писатель и блестящий публицист, но и глубокий вдумчивый исследователь прошлых исторических событий. Его книги не только интересное чтение, но содержат и целые главы, посвященные их точному описанию. Поэтому его труды представляют большой интерес для всех участников борьбы с коммунизмом и для тех, кто интересуется этим вопросом. Многое из прошлого становится понятным. Вот, что пишется в «Часовом».

«Лева Вольна!» это команда в польской кавалерии соответствует нашей «Повод вправо!», когда кавалерия, идя по дороге справа по три, подается, чтобы слева дать свободный проход. Так озаглавил свою книгу Иосиф Мацкевич, самый талантливый из польских писателей в изгнании. Повесть из времен Польско-Советской войны 1919-20 г. г. Эта война происходила в то же время и в той же обстановке, как еще не закончившаяся гражданская война на русских просторах. По составу участников тоже не было большой разницы, так как красные части перебрасывались с юга России на польский фронт и с польского на фронты под Орлом и в Крыму. В польских войсках было много русских, как индивидуально, так и в частях ген. Перемыкина, Булак Балаховича, казачьих Сальникова, Духопельникова, Яковлева. Наконец, большинство поляков были только недавно подданными Российской Империи, и потому вся война носила очень близкий характер к тому, который существовал на фронтах белых армий. Яркое и точное описание этой эпопеи представляет для нас, участников Белого Движения, очень большой интерес.

Иосиф Мацкевич не только талантливый беллетрист, ярко и верно рисующий батальные картины, безошибочно дающий читателю живые типы солдат, офицеров, польских помещиков, местечковых евреев, но беспристрастно рисует и пресловутую «стратегию Пилсудского», когда польская армия по его приказу стояла с винтовкой «к ноге», ожидая, чтобы большевики смяли добровольческие части под Орлом и Брянском. Деникин спешно послал курьера в Варшаву и предложил И. Пилсудскому: «Пусть польские войска перейдут в наступление только вдоль линии Мозырь-Калинковичи в общем направлении на Днепр. Этого будет достаточно. Вы на этом участке располагаете четырехкратным преимуществом сравнительно с большевиками. Тогда мешок, в котором находится вся 12-я советская армия, будет завязан. Левое крыло Добровольческой армии получит свободу действий. А правое крыло большевиков окажется перед смертельной угрозой этого наступления. Польская армия сократит фронт и освободит все свои силы на южном участке фронта. В такой перспективе падение Москвы и окончательный разгром большевизма станет неизбежным».

В это время, несмотря на заявления Колчака и Деникина о признании польской независимости, Пилсудский на совещании ко-

мандующих войсками заявляет: «Меньшим злом для нас будет помочь красной России побить Белую. Если мы сейчас поможем Деникину в борьбе с большевиками, то это была бы в сущности борьба за Россию. А мы боремся за Польшу против всякой России. Пусть Запад говорит себе, что хочет, а мы не дадим втянуть себя в бойбу с русской революцией, но, наоборот, во имя неизменных польских интересов, облегчим революционной армии действия против контрреволюции». Одновременно, для отвода глаз, Пилсудский выслал к ген. Деникину своего посла ген. Карницкого и в придачу к нему Ивановского, товарища Пилсудского по революционной деятельности. Ленин был поставлен в известность о решении Пилсудского и, оставив незначительные заслоны на польском фронте, перебросил под Орел и Брянск, против 1-го корпуса добровольцев, войска в количестве 43-х тысяч штыков и сабель (большая часть 12-й армии, новосформированные «червонные казаки» *), бригада Павлова). Последовало поражение белых, отход на Дон, Кубань и потом на Новороссийск.

Хотя и кратко, но очень красочно рисует автор поход Пилсудского в мае 1920 года на Киев, для «Освобождения Украины». Занятие поляками Киева не сопровождалось рождением Украины и, постояв там недолго, поляки закончили бесплодное путешествие, потеряв около 60-ти тысяч человек, и вернулись на исходные позиции.

В Иосифе Пилсудском, человеке волевом и польском патриоте, смешались совершенно различные и исключающие один другого элементы: «Кресового» (окраинный) шляхтича с налетом романтизма и мечтаний о великой Речи Посполитой «от моря и до моря» и социалиста, террориста революционера (Пэ Пэ Эс, Польская Социалистическая Партия), приятеля и товарища Савинкова, Феликса Дзержинского и Ко, ненавистника Царской России, по тюрьмам которой он сидел, и, наконец, присяжного конспиратора, заговорщика, устроившего в собственной армии уже независимого польского государства тайную, замаскированную организацию ПОВ (Польска Организация Войскова), которая действовала сама по себе по его указаниям.

*) «Червонные казаки» ничего общего с настоящими казаками не имели. Это были отряды образовавшиеся на Украине, из украинцев, после ухода немцев. (Редакция Р.К.)

4-го июля Тухачевский сильным ударом прорывает на северном участке польский фронт.

Литва в отношении Польши заняла позицию подобную той, какую Пилсудский занял в отношении белых. 12-го июля Литва подписала договор с большевиками с обязательством пропустить красную армию, преследовавшую поляков, отступавших к Варшаве.

Вслед за советскими войсками на территорию Польши следует Революционный Комитет Польши с членами Юлианом Мархлевским, Феликсом Дзержинским, Феликсом Коном, Эдвардом Прухняком и Иосифом Уншлихтом. На одном из заседаний Комитета Дзержинский поучал: «От искусного проведения красного террора зависит для нас возможность избежать неожиданностей, которые постигли товарища Белла Куна в Венгрии. Мы не ведем войны с единицами, но с целым классом буржуазии и должны уничтожить ее, как класс. Народ польский должен ясно почувствовать, что мы уничтожаем только класс, который его эксплуатировал. И мы должны это сделать сразу. Это самое важное».

С криками «Даешь Варшаву!» на польскую столицу наступали красные войска.

Автор рисует трех улан на улицах Варшавы. Один из них донской казак Белкин, два другие поляки. Они останавливаются около возвания:

«Граждане поляки! Наш вечный враг нам угрожает...» Белкин по слогам прочитал по польски, пожал плечами и проворчал:

— Почему вечный? Разве большевизм начался века тому назад?

— Не знаю, — отозвался Карась.

Идут бои под Варшавой, 2-го августа Иосиф Сталин, председатель Военно-Революционного Совета Юго-Западного фронта при войсках Егорова и Буденного под Львовым, получает депешу от Ленина: «Произвели в Политбюро разделение фронтов и постановили, чтобы вы исключительно занялись Врангелем. В связи с восстанием на Кубани и Сибири опасность со стороны Врангеля становится угрожающей, и ЦК требует немедленного заключения мира с буржуазной Польшей. Прошу все взвесить относительно вопроса с Врангелем и представить свое мнение. Ленин».

1-го августа Сталин получает новую депешу:

«Наша победа в Польше велика и будет полной, если мы добьем Врангеля. Принимаем все меры. Нажмите и вы, чтобы в ре-

зультате нашего наступления любой ценой захватить Крым. От этого зависит все. Ленин».

16-го августа Пилсудский собрал ударную группу верховного вождя в составе: 14-й, 16-й, 1-й и 3-й дивизии легионов, двух бригад кавалерии, бригады Булак Балаховича, донских казаков Сальникова — и нанес удар с юга, восточнее Демблена во фланг наступавшим советским армиям. Совершилось чудо на Висле. Stalin, согласно распоряжениям Ленина, не допустил Буденного подойти на помощь Тухачевскому и советские войска в беспорядке покатились назад. В Крыму Врангель вел непрерывные бои в Северной Таврии

12-го октября Пилсудский, имея перед собой совершенно разбитые остатки советских войск и свою победоносную армию в двадцать раз превосходившую силы Врангеля (у поляков 900.000, у Врангеля 40.000), спешно заключает мир с большевиками. Еще до его заключения в Риге, за три дня перед этим по приказу Пилсудского начинается разоружение русских частей в польской армии (ген. Пермыкина, Сальникова, Булак Балаховича и др.). Руки большевиков на крымском направлении совершенно развязаны.

Напрасно добивается ген. Мацкевич, посланный Врангелем к Пилсудскому, аудиенции. Пилсудский его не принимает. В разговорах в Варшаве лица, знающие положение, говорят: «главной целью рижского мира было развязать руки большевикам, закончить русскую контрреволюцию, или повторить маневр в отношении Врангеля, который был применен осенью 1919 года в отношении Деникина».

«28-го октября», пишет Мацкевич, «Буденный начинает наступление от предмостного укрепления на Днепре в Каходке в направлении на Петровское-Рождественская. Врангель переходит в контрнаступление. Но, несмотря на все, силы были слишком неравные...

Около села Рождественского идут упорные бои. Генералы: Кутепов, Абрамов, Барбович, Туркул, Писарев разбивали несколько раз более многочисленные большевистские группы, пробивались из окружения, переходили в контратаки. Но отход и связанное с этим постепенное разложение сил они не были в состоянии остановить».

Это политическо-историческая канва книги. Но на этом фоне вы видите живых людей и их переживания.

Расплата за политическую игру Пилсудского пришла для польского народа позже, после его смерти. Это было 17-е сентября 1939 года, когда советские армии перешли польскую границу и заняли Польшу до Буга, а по окончании войны с немцами оккупировали всю Польшу. Польские патриоты,

погибшие в концентрационных лагерях, заполнившие своими телами ямы-могилы в Катынском лесу или погибшие в развалинах Варшавы, были уплатой польской кровью по дружественному векселю, выданному Пилсудским Ленину в 19-м и 20-м годах.

Димитрий Пронин

**

Ветерок по балкам листья кружит,
По завалинкам метелицей метет,
По чубатому жалмерка крепко тужит,
А чубатый никогда уж не придет.

Казака умчал далеко конь ретивый,
В чужедальную сторонушку унес,
Не махать коню в степях ковыльных
гривой,
Не вплетать казачке ленты в темень кос.

По-над Доном плачет чибис на рассвете,
Никнут вербы по затонам у реки...
Ветер, ветер! расскажи, ты не приметил,
Не идут ли из похода казаки?

Но летит бездумный ветер над станицей,
По закоскам жадно лижет вязкий ил,
Полегли казачьи силы заграницей,
Много по миру неведомых могил...

Н. Кузнецов

ИЗ БОРЬБЫ ДОНСКИХ КАЗАКОВ С БОЛЬШЕВИКАМИ

(Ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.)

(Продолжение № 70)

После всего пережитого мне захотелось остаться самим с собой наедине, наверное это было от переутомления. Вошла мама и позвала всех на ужин, сказав, что работники уже ждут нас.

На кухне мама по праздничному накрыла большой стол, на котором уже находился поджаренный поросенок, гусь и многое другое.

Прежде всего, как и полагается, традиционный казачий борщ, наваристый и душистый, которого я не ел уже давно. Были всем налиты рюмки и рюмочки и все ждали слова отца по поводу моего прибытия.

Отец повременил, как бы что-то обдумывая, но, как потом оказалось, он крепил свои

нервы, чтобы не разрыдаться. Затем он начал: «Не думали мы, Алексей, увидеть тебя и прослушать твой интересный исторический доклад, который ты сделал сегодня на хуторском сходе!» Но нервы не выдержали и он зарыдал.

Я быстро поставил свою рюмку на стол, обнял своего горячо любимого отца и, целуя его, сказал: «От души радуюсь, дорогой папа, видя слезы радости, но как близко я был от смерти... Потом я об этом расскажу когданибудь вам всем.

Сейчас, дорогие, мы веселимся и не будем омрачать нашего весения кошмарными рассказами. Выпьем же за мой счастливый возврат в родное семейство. Я, со своей сторо-

ны, рад, что всех вас увидел счастливыми и здоровыми».

Мирон Михайлович, работник, много лет работавший у нас, выпив, стал веселым и разговорчивым. Кроме него, у нас было еще два молодых работника из слободы Донецкой. Отец налил уже по третьей, но я отказался и принялся за борщ, поросенка и гуся, но от чрезмерного потребления воздержался, так как от такого обилия явств отвык и боялся себе повредить.

Мирон вспоминал времена нашего детства, когда он нам рассказывал сказки и повести, мешая действительность с вымыслом. Во время своих рассказов он не терпел возражений и замечаний, так что мы должны были терпеливо его выслушивать. После ужина все разошлись.

Дома я проводил время, помогая работникам по хозяйству и никуда не выходил. А в хуторе в это время сходы собирались каждый день и отец с Михаилом не пропускали ни одного собрания. Что решали на сходах я не спрашивал, но одним ухом слышал, что отец бурчал на фронтовиков, которые призывали советскую власть и требовали назначения твердых цен на пшеницу по 4 рубля за пуд, в то время как она продавалась у нас по 15 руб. за пуд.

Советская власть хотела натравить бедных на богатых или зажиточных хозяев, но многие в это сумбурное время еще не понимали истинной цели большевиков. Положение казачьих хозяйств у многих было катастрофическое. Поголовная мобилизация казаков на войну с немцами оставила семьи без мужчин и вся работа легка на женщин с малыми детьми, которые неправлялись с ней и хозяйства с каждым годом все больше и больше приходили в упадок.

Хозяин три года не был дома, но он и сам догадывался о том, в каком состоянии может быть хозяйство, а когда пришел домой, то и сам увидел всю катастрофу. С семьей нужно прожить до нового урожая, а семена нужно купить, засеять и ждать когда уродит. Советская пропаганда подсказывала этим беднякам, как можно получить дешевое зерно для пропитания и покупки семян и вполне естественно, что они требовали объявления о твердых ценах.

Должен все же констатировать, что большинство безхлебных казаков не желало применения подобных насилистенных мер против своих же хуторян.

Надо было искать выход из положения, чтобы не произошло раскола среди казаков хутора. Как читатель увидит — выход был

найден, но об этом будет сообщено в дальнейшем.

Я на сходе не показывался не потому, что не интересовался тем, что там делается, а потому, что после пережитого хотел пару недель отдохнуть душевно. Да и считал себя еще слишком молодым и мало опытным, а посему и решил предоставить решение хуторских дел более опытным в этом деле. Как-то вечером, сидя в рабочей комнате и читая какую-то историческую повесть, я услышал стук в окно. Это был казак второй очереди, хорошо мне знакомый, но я никогда никаких дел с ним не имел и, поздоровавшись, спросил, с чем хорошим пожаловал Василий Семенович?

«Да дело вот в чем, Алексей Иванович, сход хутора Коновалова просит вас сейчас же прибыть со мной на сход и я привел для вас и заводного коня по распоряжению хуторского атамана». Я спросил его о том, существует ли на сходе мой отец, на что он ответил утвердительно.

Быстро одевшись и выехав на улицу, мы двинулись рысью и через 10 минут были уже в правлении хутора.

После короткого приветствия, хуторской атаман ознакомил меня с вновь избранным составом хуторского совета, в который вошли фронтовики в подавляющем большинстве, но председателем совета избрали бывшего атамана, а меня, как он сказал, заочно избрали секретарем и теперь «мы просим вашего согласия, Алексей Иванович». Я, в свою очередь, обратился к атаману и спросил, а спрашивали ли вы и весь сход хутора Коновалова согласия моего родителя? Мой отец как бы виновато и оправдываясь, быстро ответил в том смысле, что он свое согласие дал, но добавил, что поставил условие: председателем совета должен оставаться атаман и только в том случае ты будешь у него секретарем. Я спросил еще раз сход, согласны ли казаки с моей кандидатурой в секретари? Если кто против, то прошу поднять руку. Весь сход дружно и громко подтвердил свое согласие.

Поблагодарив общество за честь, оказанную мне этим избранием, я предупредил сход о том, что я в общественных делах новичек и только под опытной рукой бывшего атамана, а также дружным сотрудничеством всего совета мы можем надеяться, что мы справимся с возложенными на нас обязанностями. Затем постановили обратить на другой день сход, не позже десяти часов утра, а члены совета к семи час. утра.

С помощью брата Михаила мы составили

проект создания комиссии по обследованию запасов зерна на хуторе.

Когда на другой день мы собрались, то я попросил у председателя совета разрешения сказать вступительное слово на тему сегодняшнего заседания совета. Получил разрешение, я обратился к совету: «Дорогие хуторцы, нам с вами сход поручил наладить в хуторе нормальную и спокойную жизнь.

Я, с своей стороны, предлагаю проект, который состоит в следующем: избрать комиссию из шести человек и для успешности работы разделить ее на три части по два человека. Каждые два члена комиссии получат от совета разграфленные листы, в которых будут отмечаться следующие данные: сколько членов семьи, скажем, у Тимофея Самолаева, сколько он имеет пудов пшеницы, жита, ячменя и проса. Определять будет комиссия на глазок с хозяином дома на месте, ни в коем случае не преувеличивая.

Дальше идет графа: сколько спахано зяби или наволоком будет сеять этот хозяин? У иногородних комиссия запишет только членов семьи».

Атаман поблагодарил меня за мой проект, который вполне разрешил трудный вопрос, и этот проект мы предложим сходу, чтобы он его немедленно утвердил. По приказанию атамана-председателя мы написали соответствующее постановление, которое тут же подписали все члены совета. Нашлись люди, знакомые с кнацелярским делом, которые и принялись к заготовлению граффенных листов. Одновременно мы просили атамана внести на этом же сходе предложение об избрании комиссии для выработки твердых цен на зерно.

Открыв сход, председатель предложил избрать комиссию из шести хорошо грамотных казаков. Когда комиссия была избрана, то совет разделил ее на три части.

Каждая часть получила свой район обследования и граффенные листы. Выслушав напутствие атамана о том, чтобы работу проводили мирно, без шума, с обоюдного согласия, комиссии направились выполнять поручение схода.

Затем атаман предложил избрать вторую комиссию из шести человек, в которую три войдут от тех, кто нуждается в хлебе, а три от тех, кто имеет лишний хлеб для продажи. Эта комиссия должна выработать твердые цены на зерно, а сход их должен утвердить. Когда сход утвердил предложенных атаманом кандидатов, то избранная комиссия удалилась в другую комнату и через 20-30 минут вернулась на сход и предложила ут-

вердить новые цены на зерно: пуд пшеницы продавать по 9 руб., за жито 5 руб., за ячмень 4.50. Сход единогласно цены утвердил и поручил атаману-председателю опубликовать их для населения.

Этим постановлением были полностью выбиты все козыри советской пропаганды, пытавшейся внести рознь в казачьи ряды.

К вечеру первая комиссия закончила свои обследования и сдала граффенные листы в совет. Проверил записи, совет подсчитал запасы зерна в хуторе, необходимое количество зерна для посева и прокормления населения до нового урожая, — нашел, что все нужды легко будут удовлетворены и останется еще большой излишек зерна. Это радостное сообщение совета быстро облетело весь хутор и вызвало ликование всего населения.

А ведь еще не так давно думали посыпать на Кубань для закупки для хуторян зерна. Мой отец предложил двести пудов пшеницы, очищенной для посева, по цене шесть руб. за пуд, но поставил условие о том, что нуждающихся он сам найдет.

Совет поблагодарил отца за жертвенность и только председатель попросил его сообщить совету имена получивших от него хлеб, для отметки в книге.

Свой хлеб отец отдал многодетным порядочным фронтовикам, которые нуждались в семенах. Всем нуждающимся казакам были выданы квитанции за подпись председателя и секретаря и указание, у кого он может получить это зерно по твердым ценам. Может быть все, что предпринял совет и было слишком примитивно, но казаки руководствовались в своей деятельности законами Божими и братско-казачьими. Но не обошлось и без непорядков.

Один край нашего большого хутора назывался Горбачев. Кто-то из умников этого края предложил создать независимый совет от Коноваловского. Вновь избранный совет начал работать по большевистским предписаниям и это чуть было не привело к серьезным беспорядкам.

К нам в совет пришло несколько хозяев горбачевцев и заявили, что они не желают быть отделенными от хутора Коновалова, к которому всегда принадлежали.

Они просили послать от Коноваловского совета уполномоченных и предупредить горбачевский совет об этом. Наш совет решил удовлетворить их просьбу и пошли атаман-председатель, секретарь и заместитель председателя из бедных казаков-фронтовиков.

Когда мы пришли на горбачевский край, то увидели следующую картину: около двора богатого казака Брехова стояло несколько порожних подвод, а во дворе толпилось человек пятнадцать горбачевцев, с горбачевским советом во главе. Как только они увидели нас, то все они разбежались. Когда мы зашли во двор Брехова, то встретили там нескольких оставшихся стариков, пришедших, из любопытства, посмотреть. Оказалось, что их совет постановил отобрать у хозяев все лишнее зерно, свезти его в совет, а потом распределить неимущим. Это глупое и необдуманное постановление делалось под диктовку большевистских советников.

Они не приняли в расчет того обстоятельства, куда ссыпать свезенное зерно. Ведь у них не было ни амбаров, ни складов, а у хозяев оно бережно хранилось в сухих амбараах. Объяснив старикам о положении зернового вопроса в Коноваловском совете, атаман рассказал им, как были все удовлетворены зерном для посева и для пропитания, причем различия не делалось между казаками и иногородними, все получили одинаково. Если пожелаете воспользоваться нашими порядками, то милости просит завтра же пожаловать на сход в Коновалове, а то ведь до сева остались считанные дни.

Горбачевцы заверили, что завтра утром все они соберутся в нашем совете и заявят, что не хотят отделяться от нашего хутора Коновалова и хотят жить в нем, как и раньше жили.

Сказав это, старики стали расходиться по домам, а мы пошли тоже, разговаривая о поступке горбачевского совета. П. Е. Самсонов высказал свое мнение об этом поступке, который ничего не имеет казачье-народного, а только лишь слепое выполнение предписаний советской власти. Увидя же нас, они поспешно разбежались, так как имели на своей казачьей совести нечто нечистое. «Да, вы верно охарактеризовали поступок горбачевского совета, ответил я, но не упоминайте об этом, когда завтра к нам прийдут горбачевцы».

Атаман поддержал меня и мы стали прощаться.

На следующее утро правление хутора было полно горбачевцами. С ними пришли и члены их бывшего совета. По распоряжению атамана я ознакомил их с нашей работой по обеспечению семенами неимущих казаков, а также хлебом до нового урожая. Затем рассказал им о твердых ценах на зерно. Я переспросил потом, всем ли было понятно то, о чем я говорил. Все громогласно

заявили, что они все прекрасно поняли и оценили разумные постановления совета.

Затем горбачевцы заявили, что признают все постановления Коноваловского совета обязательными для себя и будут их выполнять, как и в прошлом.

Ими было избрано шесть человек в комиссию, которая так же, как и в Коноваловом, обследует все хозяйства и запишет все в разграфленные листы. Таким образом все неимущие были удовлетворены на горбачевском крае, а жизнь в хуторе потекла мирно и спокойно.

Задумываясь над тем, почему часть казаков северных округов оказалась на стороне советской власти, можно это объяснить случившимся в горбачевцами, которые, не обдумав хорошенько предприсания советских властей, чуть было не натворили глупостей, которые могли бы им принести в будущем большие неприятности, поскольку породили бы массу недовольных. Боясь их мести, члены горбачевского совета искали бы защиты у советской власти. Слава Богу, такую развязку удалось предотвратить, а в скольких случаях ее предотвратить не удалось? Ведь не надо забывать, что казаки в политике разбирались очень слабо, советским провокациям поддавались легко, так как со стороны советской власти действовали провокаторы, всеми силами старавшиеся расколоть крепкий казачий орех. В это судьбоносное время надо было быть сугубо осторожными не только казакам, но и их вождям, которые, не думая о последствиях, часто рубили с плеча, а большевики, пользуясь такими ошибками, дискредитировали правое казачье дело.

Большой вред казачьему делу принесло и отношение к казакам, попавшим в плен казачьей армии. Частые расстрелы пленных не оставались тайными и бывшим в советских частях казакам не оставалось начего иного, как воевать дальше в советских рядах, так как, даже добровольная, сдача в плен грозила многими осложнениями, а может быть и смертью. Никто не анализировал положения, заставившего многих казаков фронтовиков уйти к красным в начале войны. Многие фронтовики пришли после войны к разбитому корыту, а свои местные и хуторские власти не додумались до того, чтобы им помочь, в то время как большевики обещали всяческие блага и там, где они захватили власть, помогали бедным казакам очень щедро, так как эта помощь опять таки им ничего не стоила, поскольку шла из казачьего кармана. Больше-

ники создавали себе политический капитал из казачьих ресурсов. Много позже, когда так геройски оборонялись от большевиков Верхне-донцы, в продолжении нескольких месяцев окруженные со всех сторон, а перед тем добровольно сложившие оружие перед красными, — начали понимать и казачьи вожди, что подход к казакам, находящимся в рядах красных, должен быть иной, более гуманный. После этого начались случаи добровольного перехода казаков в казачью армию. Первоначальный подход много способствовал нашему поражению.

Начали готовиться к весеннему севу. В этом 1918 году весна пришла рано и я выехал за 35 верст на зимовник, где начинался у нас главный посев.

Все тревоги улеглись, новости не тревожили, да они и не доходили к нам, в степь.

Посев мы закончили скоро и я приводил в порядок наши притивные постройки.

Утром 17 апреля я запрег лошадь в дрожки и выехал в хутор Коновалов. Была среда Страстной седьмицы. День был солнечный и теплый. Засеянные поля уже покрылись всходами, а на душе было легко и спокойно, как бывало и раньше перед Пасхой, во времена беззаботного детства.

За месячное отсутствие хутор успел так принарядиться, что его было и не узнать теперь. Вишневые сады, в которых утопал хутор, кусты терна, груши, яблони покрылись зеленью листьев и розово-белым цветом яблонь. Все цвело и благоухало!

Среди же цветущих зеленых садов, как

мазки художника, небрежно брошенные в общую красивую картину, выделялись дома и другие хуторские постройки, крытые жестью и покрашенные зеленой и красной краской, с выбеленными к Пасхе стенами, как это было вообще принято у казаков.

В юности я не раз любовался этой картиной, но за три года пребывания на фронте, когда я был лишен этой радости, — эта картина вновь предстала перед моими глазами и я в радостном упоении взирал на мой хутор Коновалов в весеннем наряде.

Вот я и у высоких ворот нашего, опрятно устроенного, двора с выбеленными высокими стенами по обе стороны ворот. Собаки, как всегда, встречают с радостным лаем. Мой младший брат Гриша, 14-летний мальчик, с радостным приветствием встретил меня и предложил отпречь лошадь и поставить в конюшню.

Гриша передал мне, что «хуторской атаман два раза присыпал узнать о тебе и просил, как только ты приедешь, то не медля ни минуты пришел бы в правление, а Миша занят каким то формированием», добавил он.

Из сообщения Гриши я понял, что затевается что-то важное, а посему быстро переоделся, быстро что-то перекусил и направился вправление.

(Продолжение следует)

CUVA

А. И. Третьяков

ПАМЯТИ ОТЦА И ДЕДУШКИ

Григория Антоновича Улитина

Вижу я хутор родимый Шумилин,
Горы Грачевы — холмы меловые,
Речки спокойной узоры извилин,
Берег песчаный, обрывы крутые.

Так и стоит предо мной до сих пор.
В полном разгаре в донской степи лето,
Воздух наполнен томительным зноем.

Слышился песня унылая где-то,
Мошки над мною кружат цедым роем.

Слышатся грома раскаты глухие,
Лист не шелохнет на вербах у речки.
Тихо шумят камыши лишь сухие,

Воздух из степи горяч, как из печки.
В поле народ урожай убирает,
Хутор как вымер — нигде ни души...
Речка прохладой ребят развлекает,
Дома остались одни мальчи.

Там возле мельницы, скрытой осокой
И старой столетней вербой,
Люд беззаботный с плотины высокой
Прыгает в воду веселой гурьбой.
Медленно выехал воз на плотину,
Хлеб свеже-скошенный с поля везут.
Воды каскадами льются в пучину,
Прыгают, брызжут и шумно ревут.
Под колесом, в водяной этой пропасти,
Воды кипят как в огромном котле.
Движутся мерно деревянные лопасти
С радугой красок в сверкающей мгле.
Сразу за мельницей — стойло коровье
С парою старых и чахлых ракит.
Прячась от зноя и мух, поголовье,
В воду по брюхо залезши, стоит.
Вдруг на деревьях листва зашумела,
Ветер прохладный внезапно подул,
Серой полоской вода зарябела,
Грома отчетливо слышится гул.
Туча тяжелая темно-свинцовая
Быстро ползет из-за склона горы.
Молния с грохотом ярко-пунцовавая
Залила светом все хаты, дворы.
Крылья раскрыв широко в обе стороны,
Куры бегут через двор под навес.
Громко кричат за ливадами вороны.
Крупные капли упали с небес.
Ливнем сильнейшим дождь разразился.
Воды обмыли наш хутор степной.
Воздух очистился, вновь освежился,
Блещет природа волшебной красотой.
Яркая радуга вдруг появилась
В синей лазури огромной дугой.
Вижу тебя я иль мне лишь приснилось,
Край наш прекрасный, край наш

родной!

Ныне покойный, отец наш родился
В хуторе этом назад много лет.

Там он любить на всю жизнь научился
Солнца веселого радостный свет.

Много воды утекло в Песковатке,
Много отец наш, прожив, пережил.
Все-же в житейской рискованной
схватке

Духом не падал, душой не тужил.
Верил он свято и искренно в Бога,
Жизнь — Божий дар — безгранично любил.
Черпал он в вере так щедро и много
Бодрости духа и жизненных сил.

Даже и здесь, стариком уж, в Глендоре
Много шутил и смеялся порой.
Бодрость светилась всегда в его взоре,
Нрав не оставил веселый он свой.

Всю свою жизнь наш отец был таков,
В годы последние много писал.
Все хлопотал за родных земляков.
Помощь для них неустанно искал.

Тихо, внезапно он ночью скончался,
В мир неизвестный уйдя навсегда.
Жизненный путь человека прервался.
Вновь не увидим его никогда.

Мы не увидим улыбки веселой
И не услышим его бодрый смех.
В жизни суровой и многим тяжелой
Был он им другом сердечным для всех.

Словом своим, как живительным соком,
Людям вселял в душу веру, уют.
Вот почему бесконечным потоком
Письма столь грустные к детям идут.
Всем казакам, всем друзьям ты уважил
В наш столь богатый раздорами век.
С ними мы вместе тебе, родной, скажем:
Был ты с большою душой человек!..

США

Сын Николай
(Станицы Казанской В. В. Д.)

ПОЛКОВНИК РЫТИКОВ

В 1912-м году я был переведен в 5-ый класс Новочеркасского реального училища из одного частного реального училища в Петербурге. Сразу почувствовалось содружество среди реалистов; их связывали необъятная донская степь и протекающий по ней необъятный прихотливый Дон с многими большими притоками, речками, речушками,

ручьями; вольный, чистый воздух, то тихий, то возмущенный, высшими явлениями беснующийся, дикий, как волны «моря-океан»; а солнце, лаская, согревая, смеясь, прячется за тучи и снова приветливо манит. Нить небес насыщена трелями пернатых певцов нежных гармоний, высь грозными, боевыми звуками, как бы эхо былых, ушед-

ших в века, диких, жестоких народов, которые, двигаясь с востока, уничтожали на своем пути другие народы и сами уничтожались идущими за ними. Что-то было от истории времен давно минувших в громадной семье детей, юношей семи классов реального училища; физическая крепость, красота, смелый, ищущий взгляд, в подавляющей массе тяга к учению, дающему в будущем лучшую жизнь, и горделивые мечты к открытию нового мира в окружающих безпределных просторах, где высок небес и глубь земли таят чудесные загадки. Сказал бы, что царящая бодрящая свежая атмосфера училища в Новочеркасске захватила меня после пяти лет пребывания в спретом, как-то давящем, Петербурге.

В погожий сентябрьский день было объявлено по классам, что в 12 часов приедет почетный попечитель отставной полковник Рытиков. В классах оживление, многим попечитель покроет плату за правоучение и после встречи реалисты будут распущены по домам.

К 12-ти часам училище было выстроено в актовом зале: две шеренги 1, 2, 3-го классов и две шеренги 4, 5, 6, 7-го классов, по средине проход. Мне впервые предстояло видеть полковника Рытикова. Ровно в 12 часов к подъезду училища подкатила изящная коляска, запряженная парой вороных красавцев, на козлах в кучерском наряде, с пышной бородой, пожилой кучер. В коляске сидел лет под шестьдесят полковник. Несспеша он сошел с коляски, изящно отдал честь учителяскому персоналу во главе с директором, затем любезно поздоровался с каждым и впереди всех поднялся во второй этаж, вошел в актовый зал; команда «Смирно» и мы застыли.

Полковник, слегка поворачивая голову направо и налево, улыбаясь кланялся. Шел стройной военной походкой среди выстроившегося училища. Пройдя больше половины, он повернулся и громко сказал: «Здравствуйте, дорогие дети, юноши!». Мы почтительно поклонились ему. «Рад видеть вас здоровыми, бодрыми и, как сообщили мне, успевающими в учении. Страйтесь, подготовляйтесь к высшей школе, которая откроет вам широкие дороги, где будете с большой пользой работать на благо Великой России, читите родителей, заботящихся о вас, преподавателей, дающих вам знания. От души желаю вам здоровья, как основу жизни, и всего, всего лучшего». Сделал общий поклон, на что мы ответили вторичным почтительным поклоном.

Окруженный педагогами, полковник прошел в малый зал, где был от педагогического персонала сервирован великолепный завтрак для дорогого гостя. За три дня до приезда попечителя был приглашен директором владелец одного лучшего ресторана в городе. Пожилой почтенный ресторатор был любезно принят директором и бывшими в кабинете несколькими преподавателями. Директор обратился к нему с просьбой оказать любезность устроить в училище завтрак для почетного попечителя, который устраивает ему учительский персонал. Ресторатор, польщенный предложением, с полной готовностью согласился организовать банкет для столь уважаемого в городе полковника Рытикова, обещал под личным наблюдением устроить все с надлежащей красотой и обилием, а о цене просил не беспокоиться: она будет не обременительна для скромного бюджета. Условились о нужных деталях, ресторатор откланялся, поблагодарил за лестное для него предложение и заметил, улыбаясь, что он в курсе привычек полковника, т. к. тот бывает его клиентом в ресторане.

Меня поразила величественная фигура полковника — это был от начала до конца аристократ. выше среднего роста, стройный, умеренно полный, с лицом мужественно красивым, волевым, умным, в прекрасно пригнанном длиннополом казачьем мундире, штаны с лампасами на выпуск, на груди два ордена. Его движения были стройны, расчетаны, все в нем внушало почтение; единственное, немного портил несколько крупный нос с коварными красными жилками, но этот недостаток был нужен ему, подчеркивая, что он любить жизнь и пользуется ее радостями, делясь возможным с другими.

По просьбе полковника училище было распушено и педагоги могли свободно приняться за чествование почетного попечителя.

На следующий день надзиратели, ближе стоявшие к нам, рассказывали восторженно о банкете, в котором принимали и они участие.

Длинный стол, накрытый белоснежной скатертью, был уставлен дарами вод и стеши Дона, особенно выглядели краснорыбицы, воспетые в поэзии, песнях, во всех падежах, числах, глаголах — полноту красоты и вкусовых гамм не вмещала грамматика и переносилось на осязание, зрение, вкус — просто на безнадежный взмах руки, на вздох... Бахус, несколько смущенный неве-

домою ему и как бы главенствующей водкой, ударили по винам разнообразнейшими колерами, вкусовыми гаммами, вгонявшими приемлющего в умственные эмоции, где разрешается неразрешимое в веках...

Входят в банкетную залу.. Полковник, директор и педагоги все удивлены обилием, разнообразием, красотой сервировки. После краткой молитвы батюшки и благословения яств и пития, все рассаживаются и многие несколько смущенно ищут затерявшуюся водку, но скоро найдя ее взглядом, облегчено вздыхают. Первый тост директора за дорогое гостя, здоровье, благополучие ему на годы. Ловко обслуживающие молниеносно наполняют не нелепые наперстки, а просто хорошие рюмки не могущие вызвать протеста у человека уважающего себя. Полковник чокается с ближайшими, отдаленные друг с другом, при этом от нервности дрожит рюмка и капли, как алмазы, падают на скатерть, а ведь маститые старые потребители говорили, что «лучше хороший ковш водки в рот, чем каплю на пол». Холодная искристая катится по назначению, лаская, согревая. Полковник, обладая многолетним рюмочным стажем, показал как взять рюмку, как держать, спокойно, без торопливости, без жадности, влить в умеренно открытый рот, три секунды сосредоточенности, отблеск удовольствия, как встреча неожиданная с близким другом. Царит растерянность от множества закусок, чем закусить, и иной посыпает за водкой несообразное здравому смыслу. Полковник, как на поле брани, взглянул и, обнаружив около своего прибора скромную керченскую селедочку в соусе из деревенского, очень пахучего, конопляного масла с перчиком, горчичкой и иными нужными специями, посыпанную зеленым лучком, с удовольствием закусил.

Через пять минут он, легко встав, попросил слова: знал, что первые три рюмки идут в скачь, а дальше в рысь и т. д. Слово было крепко, благодарили за сердечность, чудное угощение, пожелания присутствующим здоровья, благополучия на годы.

Восторженно покатилась вторая, ориентированная в закусках, публика посыпала вслед за водкой традиционную закуску.

Попросил слово и батюшка, вообще словоохотливый, преисполненный елейностью обстановки, связанный саном, он пытался сочетать небесное с земным и зяянул ценнейшее рюмочное время, но в глазах присутствующих заметил нервность и перешел на здоровье и благопожелание дорогого гостя.

Третья имела рекордный успех в смысле умиротворения духовных и физических свойств, возможно у иного зародилась мысль, прия домой, срочно изжить неполадки с женой.

Настал момент... Почетный попечитель не спеша вынул из бокового кармана мундира солидный бумажник, из него извлек чек на 20 тысяч рублей и передал директору, сказав, что он хотел бы покрыть плату за правоучение половине учащихся (18 рублей в год), приблизительно двум стам, остальные на улучшение физического кабинета, библиотеки и на другие надобности, в коих прекрасно разбирается педагогический совет, «отчета, как обычно, не прошу».

Умиленный директор пытался благодарить, но попечитель мягко отклонил, заявив: «Я удостоен чести быть почетным попечителем и несу с готовностью жертвы на благо близкому мне училищу. В минуты нужды я в распоряжении педагогического совета». На этом «слово и дело» было закончено и знали все, что напоминание о нем было бы неприятно попечителю.

Четвертую пили без тостов, чоканий, пошла беседа попросту, по дружески; полковник был исключительно любезен, тактичен, пил водочку под селедочку и еще обнаружил около себя что-то им очень любимое и пропустил две-три рюмки не в счет. Пересядя на вина, в которых он прекрасно разбирался и давал даже нужные разъяснения; беседы интересные, временами захватывающие, как полагается царили в высококультурном кругу; полковник прекрасно разбирался в вопросах науки, в особенности техники, т. к. ему, как владельцу шахт в донецком бассейне, приходится иметь дело с различными комбинациями по улучшению оборудования, заботился о рабочих, но жаловался на несочувствие и отсталость других шахт-владельцев... Перебрасывался тепло и сердечно на воспоминание военной долголетней службы и что у него не угасает связь с бывшими друзьями. Благодаря исключительной тактичности полковника, не дававшего ни малейшего повода, что он только должен быть объектом внимания, все чувствовали себя свободно, ели, пили, группами беседовали, были сыты и... под градусами. Последовал залп донского шампанского, дальше следовало крепкое турецкое кофе с ромом, желающие пили всевозможные ликеры.

Около трех часов полковник встал и все встали, благодарили за чудное угощение и просили разрешения оставить любезное общество. Директор благодарили за любезный

визит столь радостный для учительского персонала. Провожали все до подъезда, где уже стоял экипаж, кучер, слегка выпивший, браво держал возки (его честовавили сторожа училища). Тепло попрощавшись со всеми, полковник твердой походкой подошел к экипажу, спокойно сел, отдал всем честь, и коляска плавно покатила по улице.

Возвратившись к столу, все выражали удовлетворение столь щедрой помощью училищу и исключительной выдержанной полковника, что и много пивший он оставался до конца интересным собеседником с широкими культурными взглядами. Еще продолжалась беседа под стаканчики чудных вин. Было решено собраться педагогическому собранию в ближайшее время, классные наставники должны установить путем опроса число учеников, подлежащих освобождению от платы за правоучение.

Приехал ресторатор, всеми радостно встречененный, любезно здоровались, просили составить компанию, все благодарили, было несколько хвалебных речей, посвященных шикарному банкету, его творцу прокричали ура, пили его здоровье, желали долголетие и успеха в его делах. На смущенный запрос директора о стоимости банкета, назвал закругленную весьма скромную сумму; на выраженное всеми удивление, он скромно ответил: разрешите, господа, и мне принять участие в чествовании

столь уважаемого в городе полк. Рытикова и щедрого почетного попечителя реального училища, где учатся и мои два сына. Снова благодарности и здравие любезному ресторатору, который обратился к своим, указав на привезенный им рогожный кулек. Моментально были сменены рюмки, захлопали пробки, ресторатор сказал: «Это что-то особенное!»

Все запротестовали, переполненные яствами, питиями, но ресторатор резонно заметил: «Церковь переполнена молящимися, некуда яблоку упасть, а пришел городничий и ему место нашлось». Вино, действительно, было особенное и свободно входило в казалось переполненные желудки, некоторая усталость исчезла и до вечера царilo исключительное веселье, смех, шутки...

Начали педагоги собираться по домам, долго прощались умиленные, растроганные, нежно целовались с ресторатором, обещая его навещать, целовались меж собой, щедро «скинулись» лакеям и, пошатываясь, расходились по квартирам-домикам в садиках, мостищимися на скате новочеркасской горы к реке Аксай. В домиках ждали нетерпеливо запоздавших жены и домочадцы, засыпали вопросами, но мало услышали дельного; день, прошедший в дарах Бахуса, закончился высшим даром богов — сном.

Париж.

Ян. Богаевский

С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ

(Все права сохранены за автором)

Дорогие читатели. — Первая часть моих воспоминаний «По следам памяти» была напечатана в «Вестнике Первопоходника». Так как содержание 2-ой части — «С русской песней по белу свету», — касается главным образом Донского казачьего Хора С. А. Жарова, то я считаю, что им место в казачьем журнале.

Для большей ясности я конспективно сообщаю содержание 1-ой части, охватывающей жизнь добровольца гражданской войны на юге России с половины ноября 1917 г. до весны 1926 г.

Я из духовной семьи, окончил семинарию, был студентом Дон. ветер. института. Пел во многих хорах, в том числе и в Архиерейском под управлением о. Михаила Ерхона. Поступил в студ. боевую дружину, а когда в Миллерово казаки донцы и возвращающиеся откуда то кубанцы проявили к нам резкое недружелюбие, я оставил дружину и дней

через десять был уже в Чернецовском отряде.

Боевое крещение, кровавое, я получил в бою на станции Лихой, сразу после расправы Голубова — Подтелкова с ес. Чернецовыми. Как и все участники этого боя, был награжден Атаманом Калединым Георгиевской медалью.

Вместе с отрядом участвовал в Корниловском Ледянном походе, где под Выселками был убит мой 16-летний брат.

После похода был произведен в первый офицерский чин и вместе со всеми донцами был откомандирован в распоряжение Дон. Войс. штаба. Три раза я был в Войсковом штабе, в ожидании назначения в часть или кратковременного отпуска для поездки домой. В 4-й раз в Штаб я не пошел, а сел на коня и в составе Дроздовского полка, в 4-ой Дон. сотне, уехал в стан. Мечетинскую, в Добров. Армию.

17-го ноября 1918 г., далеко за Ставрополем, в конной атаке был ранен тяжело и оставлен на поле сражения. Пулей, раздробившей обе берцовые кости, была убита и лошадь. Уже в сумерки приятели вытащили...

На другой день почти ночью попал в Ставрополь, где после беглого осмотра погрузили в поезд и отпразднили в Ейский Войск. лазарет. На 4-й день «пошел» на операцию в уверенности, что ногу «отхватят»: так она распухла и почти покернела... Операцию сделали совсем незначительную и ногу в гипсе положили на вытяжение. Кость не срослась и недель через десять я был отправлен в Ростов. В Нахичевани в госпитале сделали большую сложную операцию — кость опять не срослась и через 12 недель я попал в третий госпиталь на Таганрогском проспекте гор. Ростова. Операцию делал проф. Напалков, — кость опять не срослась. Соседи по койке уговорили поехать с ними в город повеселиться...

Вернулся я с «веселья» в припрыжку, с костылями в руках. Через два дня нога в переломе воспалилась и распухла. Палатный ординатор сделал чистку кости и положил ногу в лубок. Так на костылях, вместе с госпиталем, я и эвакуировался в Новороссийск.

После врачебного осмотра нас погрузили на английское госпитальное судно «Панаму», которая 7-го февр. вышла в море и после скитания по морям и весям нас высадили в Салониках. Недели через три, другой пароход доставил нас в Египет. Поездом добрались до Тель-Эль-Кебира, где весь госпиталь расположился в лагерных палатках.

Месяца через полтора, каким-то чудом нога срослась и я перекочевал в лагерь выздоравливающих здесь же рядом. После настойчивого требования и долгого ожидания пришел «Херсон» и забрал нас, около тысячи человек, столько же привезли с ост. Кипра и столько же с Лемноса и доставили в Феодосию, увы к «шапочному разбору».

Эвакуировался я в Галлиполи на том же «Херсоне», но уже переполненном до отказа — ехал под нарами.

Дальше Болгария и все отрасли физического труда, и всюду пение в хорах: — пел в Египте, пел в Галлиполи, пел в Болгарии и даже тогда, когда был на самых тяжелых работах. Весной 1926 года, в составе бывшего Дроздовского хора, я выехал из Болгарии — искать счастья... Через восемь месяцев я перебрался в небольшой хорик при Великорусском хоре балалаечников, а еще через пол года я был уже в Донском казачьем хоре, которым управлял С. А. Жаров.

В этом хоре мне посчастливилось петь до 1960 года. Этому хору и его регенту, главным образом, и посвящено все последующее повествование. Донской казачий хор, уже одним своим именем, прославлял и прославляет казачество по всему миру. И всякому повествованию об этом хоре, даже небольшому рассказу о нем, место в казачьей литературе. Исходя из этого, я и обратился к редактору «Родимого Края» Б. А. Богаевскому с просьбой взять на себя заботы по печатанию этой повести на страницах «Родимого Края».

**

В начале Страстной недели 1926 года, мы, бывший хор Дроздовского полка, сели в поезд в гор. Софию, который должен был довезти нас до Вены. Незадолго до отъезда, хор переменил свое название и стал назы-

ваться «Кубанский казачий хор». Не помню точно, что принудило к этому переименованию. Смутило то, что в хоре того времени не было ни одного кубанца, но мы уже точно знали, что «Кубанский Войсковой хор», которым управлял очень хороший регент Соколов, уже прекратил свое существование. Ко времени оставления Болгарии переменился и состав хора. Несколько человек оставили хор еще в Севлиеве; пять-шесть хористов, имея приличные места, с хорошими перспективами на будущее, остались в Габрово; наконец, пять-шесть человек по разным причинам не пожелали расстаться с Софией. Места выбывших заняли другие певцы, в которых в то время недостатка не было, но хор, бывший одной семьей, потерял свою однородность и внутреннюю еще боевую спайку, что и отразилось на нем впоследствии. Итак, мы ехали в Вену, как «Кубанский казачий хор», но в форму Кубанских казаков облачились лишь два-три м-ца спустя, когда к тому представилась первая возможность. Наш поезд был простой пассажирский и вовсе не спешил доставить нас в Вену. На югославской границе, в Цариброде, пришлось пройти всю пограничную процедуру, и по просьбе пограничников и чиновников что-то спеть. Среди ночи долго стояли в Нише, а утром в Белграде была довольно продолжительная пересадка, так что время позволило, хотя бы поверхностью, осмотреть город. Вся привокзальная часть его представляла собою сплошной пустырь, на котором было лишь несколько, более или менее солидных, новых построек. Но даже и в самом центре города капитальных зданий было очень мало.

Взглянув на братский Белград, двинулись мы в дальнейший путь на Вену. Дорога была нудная и утомительная. Лишь на следующий день нашего путешествия мы наконец очутились в Вене.

Встретил нас, бывший некоторое время в Донском каз. хоре, Н. Краснянский хорошо знавший город и имевший некоторые связи в концертном мире. Трамваи домахли до центра города, где и остановились в «Отель Бандель» — в том самом, в котором жил поначалу и Дон. каз. хор. Отель был расположен рядом с собором Св. Стефана, в самом центре города. Мало кто из нас в достаточной степени владел немецким языком, а наш вид явно обличал беженцев: одеты мы были кто во что попало и только два-три человека имели приличные штатские костюмы. Робко выползали мы из отеля, боясь затеряться в столь большом горо-

де. Но вскоре кто-то сияющий вернулся из ближайшей лавочки, где кроме всего прочего есть и съестно, и рассказал, как сначала ему не удавалось объяснить продавцу, что именно ему нужно, но присмотревшийся коммерсант вдруг спросил его по русски: «Вы русский?»

Оказалось, что в недавнюю войну чуть ли не половина взрослого мужского населения Австрии побывала в плену в России, откуда они вывезли самые лучшие воспоминания и знание русского языка. И тут мы сразу ожили. Смелее стали знакомиться с городом, постепенно увеличивая радиус своих выходов, пока не дошли до ринга, откуда было рукой подать до Концертхауза, где нам вскоре предстояло петь концерт.

Странное впечатление производил город. Множество драгоценных произведений строительного искусства, великолепные дворцы, храмы, памятники, парки; всюду чистота и порядок. Но на всем лежала печать грусти и опустения. Вена, недавняя столица большой империи, с пышным и блестательным Двором, обратилась в столицу маленькой республики и словно облеклась в траур. Все ее многочисленные дворцы, правительственные здания, храмы и памятники напоминали огромный музей — спокойный и замерший. Даже в ее торговой части — Грабен, Кернерштрасэ, Марияхильфштрасэ — не приходилось наблюдать ни суетолоки, ни спешки. Познакомились мы и со знаменитым Пратерем и его развлечениями, и впоследствии заглядывали туда неоднократно; побывали и в Шенбрунне, и в его фантастическом парке, полюбовались исключительно красивым видом, открывавшимся от главного входа дворца, откуда широкая и длинная, пересеченная посередине небольшим обрамленным в гранит озерком, с чудным фонтаном в центре, аллея, постепенно поднимаясь, заканчивалась крутым холмом, увенчанным царственно-стройной аркой с амфиладой колонн. Да, все это было очень красиво, но как то холодно. Всех причудливо подрезанных деревьев и кустов коснулась рука искусного садовника, создавшего совершенную, но мертвую форму. Увы, и здесь царила тяжелая грусть — посетителей, кроме нас, не было.

С первого же дня нашего приезда в Вену хор начал репетировать программу уже назначенного концерта и вскоре в Концертхаузе состоялась генеральная репетиция, на которую была приглашена пресса. Отзывы, появившиеся в печати, были восторженные, но мы все же ожидали концерта с большим

волнением, ибо здесь должна была решаться дальнейшая судьба хора, т. к. впереди, кроме намечавшихся одного или двух концертов, никакой работы у нас не было — одни надежды.

В назначенный день концерта, в приподнятом и слегка нервном настроении, мы собирались за кулисы, чуть ли не за час до начала. Когда в зале появились первые слушатели, то каждый из нас старался взглянуть: а сколько их? Зал стал быстро наполняться и когда мы вышли на подиум, незанятыми оставались лишь обочины задних рядов. Под аплодисменты публики вышел регент, С. Д. Игнатьев, поклонился и занял свое место. Концерт начался. За обилием впечатлений и переживаний, программа концерта не сохранилась в моей памяти, но приняты мы были и слушателями и музыкальными критиками более, чем одобрительно. Однако, ни новинкой, ни сенсацией, хор уже не был, а потому мы не задержались в Вене, а, получив новый ангажемент, сразу же уехали в Германию, в Мюнхен. Там мы дали концерт в Штадтхале, в довольно своеобразной обстановке: публика сидела за столиками, кто с чашкой кофе, кто со стаканом вина. Не помню, пели ли мы духовное отделение, но хорошо помню, что во время пения соблюдалась полная тишина и многие исполненные нами вещи приходилось исполнять на бис. Запомнилась и маленькая сценка, когда в конце нашего выступления в зал ввалилась довольно большая группа, одетая в черкески. Это были регент и хористы «Уральского хора», избравшие себе кавказское одеяние. Основой этого хора были остатки хора Алексеевского полка. Алексеевцем был и регент хора А. И. Шелух, которого я хорошо знал еще по Египту. Пели они по большей части в Мюнхенских кинематографах.

В Мюнхене мы получили новый ангажемент, в Ульм, где и задержались чуть ли не две недели. Пели в самом городе, пели и где то поблизости. Лучше всего концерт прошел на курорте, название которого не удержалось в памяти. Зал, правда небольшой, был набит до отказа и редкое явление: директор заплатил хору более условленного гонорара. Вообще же за все «Ульмское сидение» в самом городе мы дали только четыре концерта, из которых три прошли с довольно плачевным материальным результатом.

Начиналось лето, когда концертные залы пустуют, а курорты начинают готовиться к приему гостей. В свободное время бродили мы по городу, расположенному по берегу

Дуная, и не раз заходили в тамошний, кажется самый высокий в мире, готический собор.

Полученный нами новый ангажемент позволил нам познакомиться со Штутгартом, большим и красивым городом, с некоторой претензией на модернизацию в новых постройках. Пели мы там сначала в небольшом концертном зале, находившемся на просторной площади, лежащей у подножья средневекового замка, а потом в обширном зале одного из городских кафе. Там же, в Штутгарте, был подписан новый контракт на целый месяц на выступление хора в самом большом кафе Гамбурга. Кафе «Фатэрлянд», где нам предстояло петь, находившееся в центре города, на берегу красивого озера «Альтстэр», всегда бывало полно и ежедневно давало большую артистическую программу, повторявшуюся дважды: после обеда и вечером. В каждой из них наш хор выступал с 4-5-ю вещами, выступали и наши два танцора-лезгинга. Работы было не так уж много; первая половина дня уходила на спевки и оставляла достаточно времени для знакомства с городом.

Затем Гамбург, второй по величине город Германии, и один из самых больших портов в Европе, океанские пассажирские пароходы доходили только до Куксхафэна, находящегося в самом начале очень широкого устья Эльбы, на которой выше по течению лежал Гамбург. Его главной достопримечательностью являлся зоологический сад Гакенсбек, где звери, как казалось посетителю, гуляли на полной свободе. Гамбургский зоолог. сад — главный поставщик всех зоологических садов в Европе, а потому временами некоторые отделения почти пустовали. Красивый был Гамбург в районе Альтстэра, где вокруг озера расположились роскошные виллы, богатейшие дома и все лучшие магазины города. По соседству с Альтстэром находилась главная площадь, лучшим украшением которой было здание городской ратуши.

Наши выступления в «Фатэрлянде» пользовались большим успехом у публики, не склонившейся на аплодисменты по окончании каждой вещи, но сохранявшей полную тишину во время исполнения. Успех хора был настолько очевидным, что дирекция предложила подписать новый контракт еще на три недели, но не сразу, а через месяц, т. е. в конце лета. Ежедневный гонорар хора был не так уже высок, но жизнь на одном месте давала большую экономию в квартирах и питании, а кроме того совершенно от-

падали расходы по переездам из одного города в другой. Все это дало возможность хору заказать кубанскую форму и вообще привести себя в лучший вид. И перед самым отъездом из Гамбурга, на нашем последнем выступлении в «Фатэрлянде», мы появились перед публикой в новом облачении и даже с кинжалами... конечно деревянными, обтянутыми кожей. За время, т. е. в течение целого месяца, до выполнения возобновленного контракта с «Фатэрляндом» хор дал несколько концертов вблизи Гамбурга: пели в Хайдэ, Итсхээ, Букстхудэ, Куксхафэнэ, после чего отправились на курорты, в район Шварцвальда, спели в Ляре, недалеко от Бадэн-Бадэна и покатили по дороге на Констанц. Выступали в Филингэн, Трибэр, Дэнаушингэн. В Трибэрже жил в то время Боголюбов, защищавший цвета Германии на международном шахматном турнире. В Дэнаушингене, против казино, где происходило наше выступление, протекал, взятый в каменные берега, маленький ручеек, исток Дуная. Едва два месяца до этого, мы были у его широченного устья, — тогда это казалось почти сказкой.

Выступали мы в Бадэн-Бадэне и в Бадвильдугэн и Констанц, пели в Гездяр и еще на каких то курортах. Германия изобилует множеством всевозможных курортов с различными минеральными водами, но еще большей степени «Люфт» курортами — «лечение воздухом», — которыми был полон весь Шварцвальд. Немало их и в Харцэ и в южной Баварии. Не помню, какой дорогой возвратились мы в уже знакомый нам Гамбург, разместились почти все по старым квартирам. На этот раз, кроме «Фатэрлянда», хору пришлось петь и в Штадхале, находившемся на другом берегу озера «Альтстэр». Выступали мы там один раз в день, после обеда. При хорошей погоде пели на открытом воздухе, а при дождевой, что в Гамбурге не редкость, в просторном закрытом помещении. Ездили мы в Штадхээ, чаще всего пароходиком, крейсеровавшем по озеру, а иногда и подземкой, шедшей от главного вокзала.

Кончался летний сезон, но перерыва в работе хора не было, т. к. бывшая служащая большой концертной дирекции в Мюнхене доставала нам все новые и новые ангажементы. Зимний концертный сезон в Германии обычно начинался с самого начала сентября, а иногда с конца августа. К этому времени мы уже имели контракт с Берлинской дирекцией Ю. Беркон, на концертное турне. Хор уже не знал отдыха. На ходу разучива-

лись все новые вещи. Довольно быстро осилили «На реках Вавилонских» Гуно, номер серьезный и интересный, разучили и чудную «серенаду Гросбауэра», построенную на дуэте тенора и баритона. Звучала она у хора прекрасно.

Но чем дальше, тем больше выяснялось, что слушателей интересует русская народная мелодия и русские песни. Семен Дмитриевич Игнатьев, регент хора, был в хороший композитор и мастер аранжировок. «Эй ухнем» и «Стенька Разин» входили в репертуар хора еще раньше, и без них в Германии не мог обходиться ни один концерт. Постепенно вошли в аранжировку «Вечерний звон», «Калинка», «Метелица», «Кобза» (Давыдовского), «Глухой неведомой тайгой» и «Двенадцать разбойников». Позднее в репертуар были введены «Коробейники», «Однозвучно звенит колокольчик», «Камаринская» и др.

Не могу не забежать вперед. Когда пришлось петь в Японии, подобно тому, как в Германии «Эй ухнем» и «Стенька Разин» стали фаворитами публики, так в Японии предпочтение было отдано «Бродяге», «По диким степям Забайкалья» и «Вниз по матушке по Волге». Их знала и пела вся поющая Япония. Об этой старане я буду говорить в дальнейшем особо.

Все аранжировки Игнатьева были просты и очень доходчивы до слушателя. В них совершенно не нарушалась мелодия и не затмнялась аккомпанементом. Управлял он хором прекрасно, никогда не терялся. Особенно показательным в этом отношении был случай на втором концерте в Берлине: хор пел в «Адмираль Паляс», где зал выглядел очень богато, но акустика была убийственна: все утопало в красивом тяжелом бархате. И не только кожи и партэр были щедро увешаны бархатом, им была обита вся мебель, в нем утопала вся сцена. И когда солисты на «Воскресни, Боже» вышли чуть вперед и запели, мы их почти не слыхали. А когда на последнем номере духовного отделения, «Воздух очи мои», хор дошел до заключительного, — «от ныне и до века», — где на быстром темпе тенора «догоняют» басы, вступая несколько раз на восьмую позже, тенора не слыхали басов и не вступили во время, регент хора вступил сам и тем дал нам возможность вступить правильно и хорошо закончить концерт.

Наш первый концерт в Берлине состоялся в небольшом зале Зингакадеми, где мы имели большой успех и хорошую критику, а кроме того часть концерта была записана на

пластинки фирмой «Электрола», которые поступили в продажу и быстро разошлись. Не помню всей программы концерта, но помню пластинку, которая звучала прекрасно, на которой были: — «В 12 ч. по ночам», «Марш» и «Закувала». — В Берлине, мы дали еще два концерта в Блютнерзале, после чего пели по всем городам Германии, вплоть до инославного Рождества. Запомнился один концерт в Вилефэльде, где слушателей было немного, после которого музыкальный критик, дав блестящий отзыв о хоре и программе концерта, меланхолично добавил: «Увы, этому хору достались лишь сливки со взятого другими молока». Материальные дела хора если не были блестящи, то все же вполне приличны: можно было не только жить, но и откладывать что то про черный день.

На рождественские праздники мы были свободны, но кто то сообщил, что Донской хор дает в эти дни концерты в Дрездене. О существовании этого хора мы узнали еще в конце лета, когда он вернулся из Австралии, где пел несколько месяцев. Регентом этого хора был С. А. Жаров.

Несколько человек из нашего хора сели в поезд и покатали в Дрезден слушать донцов, дабы иметь представление об этом хоре. Остановились мы в том же отеле, где жили донцы. Приняли они нас с распростертыми объятиями, зачислили на полный пансион, оплативши все из кассы хора. Пробыли мы в Дрездене два дня, прослушали полностью два концерта, оставивших глубокое впечатление. Было в этом хоре что то новое, чувствовалась строгая дисциплина и прецельная шлифовка песнопений. Особенно поразили нас церковные песнопения, где хор показал и мощь и бесподобное пианиссимо, изумительные речитативы и широту размаха. Пели «Блажен муж» киевского распева, «Благословен еси Господи» (Чайковского), «В церкви» (его же), «Спаси Боже» и «Господи, сохрани» (Чеснокова). Наибольшее впечатление произвела последняя вещь, где мелодию в стиле древних песнопений ведут басы, а тенора дают лишь основу, все песнопение идет ступенями вверх с наростанием звука и последнюю фразу «Господи, сохрани их на многая лета» поет уже весь хор и в форте-фортиссимэ. Это было исполнено, действительно, захватывающе, незабываемо.

Новинкой, и даже загадкой, был сам регент. Небольшого роста, молодой, интересный, подчеркнуто подобранный, до предела напряженный и очень скромной на движения,

как будто он их экономил. Его руки были все время у груди, но как они были напряжены! Казалось, они вот-вот взовьются, соответственно нарастающему звуку. Но это только казалось; за два концерта не было ни одного широкого жеста, руки все время оставались у груди. Это было ново, интригующе и даже, пожалуй, загадочно. Заслуживали внимания и солисты хора, а некоторые из них были просто прекрасны. Светский репертуар Донского хора того времени не мог конкурировать с церковными песнопениями: добрая половина светских вещей была бледнее церковных, но отшлифованы они были тщательно.

Прослушав два концерта, поблагодарив донцов за доставленное нам наслаждение и оказанное радушное гостеприимство, вернулись мы в Берлин в свой хор, где рассказали подробно о всем виденном и слышанном в Донском хоре. В противоположность царившей у донцов дружеской атмосфере, в нашем хоре шли непрерывные раздоры. Начались они еще в Гамбурге с незначительных недоразумений, уже не помню по какому поводу, а затем, все разрастаясь, приняли непозволительные формы. Жизнь стала нервной и мы с приятелем стали подумывать, где бы найти спокойную работу в спокойной обстановке. Так как в то время в Германии русских певцов брали на расхват, то ждать нам пришлось недолго. Вскоре приятель уехал наемным певцом в Великорусский хор балалаечников, а дней через десять уехал туда же и я. Грустно было оставлять хор, которому я с увлечением отдавал себя в течение пяти лет. Ни к кому у меня не было неприязни, кроме одного христа, который впоследствии показал себя с самой худшей стороны, даже немыслимой в офицерской среде.

Б.Х.Б. целиком вышел из рядов Западного фронта, попавших в эмиграцию, пробыл я в его составе больше полу года и так же внезапно покинул, как и поступил. Историю этой «музыкальной» единицы я передаю со слов одного из ее основателей. Уже в 1920-м году в Берлине начали свою деятельность два оркестра балалаечников: Бориса Романова, обрусевшего немца, и доктора Зверькова, а осенью того же года, в лагере Биондорф, под Берлином, взялся за составление 3-го оркестра балалаечников кап. Михайловский, человек с консерваторским образованием, спокойный и даже больше, чем следовало-бы. Кроме народных мотивов, он стал вводить в репертуар оркестра и классические музыкальные произведения, т. ч. к

началу 1927 года, ко времени нашего появления, оркестр был настолько хорошо подготовлен, как в шлифовке отдельных музыкантов, так и в общей сыгранности, что без труда преодолевал почти любое музыкальное произведение. Увертюра из «Марты», «Поэт и крестьянин» — Супэ, «Анданте кантибile», «Осенняя песня» и «Песня без слов» Чайковского и многое-многое другое заставляли забывать, что перед тобою балалаечный оркестр, — настолько мягко и певуче звучали как лирическая непривычная кантилена, так и бравурные вещи. Состав оркестра был невелик: две балалайки-контрабасы, четыре первых и два-три вторых альта, такое же приблизительно количество было и домбр. Имелся бубен, барабан и трезель, был и пианист. Музыканты-любители за ряд лет непрерывной работы и тренировки превратились в профессионалов. Солистом-балалаечником был сравнительно пожилой Погорелов, бывший солистом еще в России в оркестре Андреева, были при оркестре два танцора и одна танцовщица. Из танцоров следует отметить Орлика, изящнее его никто не танцевал, был он артистом своего дела. Легкий, подвижной, с грациозной техникой, на сцене он творил, и даже нам не было скучно ежедневно видеть его в танце.

Еще за несколько лет до нас, т. е. до 1927 г., оркестру пришлось обзавестись и хором. Основой этого хора были человек 13-15 музыкантов, обладавших слухом и весьма посредственными голосами. К этому своему хорику оркестр добавил 3-4-х платных хористов. Репертуар хора был совсем несложный, завсегдатаями в нем были: «Эй ухнем», «Стенька Разин», «Вечерний звон», «Однозвучно», т. е. все то, что знала уже вся Германия. Работал оркестр на артельных началах, а мы, вольнонаемные, получали определенный гонорар. Платили нам не так много, но и работы было совсем мало, а отношение к нам со стороны администрации, да и всего оркестра, не оставляло желать лучшего. Выступал оркестр чуть ли не во всех городах, больших и маленьких. Было это еще во время немого фильма, в Европе было принято сопровождать картины музыкой. Иногда это бывали оркестры, хоры, солисты, а иногда одно пианино. Когда же появились на рынке фильмы на русские темы, то спрос на русскую музыку и песни необыкновенно возрос, русские хоры, квартеты и трио, даже самые захудальные, все были заняты по кинематографам, соответственно своему рангу. Самым большим и лучшим

ансамблем этой категории был тогда, встреченный нами в Мюнхене, «Уральский казачий хор», имевший более двадцати певцов. Пели они по большим кинематографам больших городов, иногда чуть ли не по месяцу подряд.

В.Х.Б. в Германии по кинематографам не выступал, но, попавши вскоре в Голландию, оркестр, хор и танцоры подвизались в больших кино Тушинского: две недели в Амстердаме и одну в Гааге. Выступления всего ансамбля происходили между сеансами, когда давалось большое музыкальное отделение. Сеансов было три, а выходов оркестра два. Свободного времени было много, кто проводил его за винтом, кто за шахматами, а кто шел в город поглазеть на богатые витрины. Скоро и я стал заправским винтером. Помню, однажды, когда мы ехали на дневное выступление в Эссене, то так заигрались в вагоне, что не заметили, как проехали свою станцию. Не заметили этого и наблюдавшие нашу игру «болельщики», тоже винтеры. Как мы потом гнали своего таксиста, и все же приехали в театр с маленьким опозданием, за что, конечно, получили заслуженную взбучку.

Во время нашего пребывания в Амстердаме глубоко переживали и с волнением следили за шахматным турниром на мировое первенство между Капабланкой и Алехином, и радости нашей не было конца, когда наша взяла.

Хор наш был слабенький, но повсюду мы имели успех. Между прочим, запомнился мне один комический случай: в нашем репертуаре имелся отрывок из «Кобзы» Давыдовского, «Завидкиль идэш человиченьку», где глубокий низкий бас отвечает: «из корчмы», а во втором куплете — «куль соломы». В Гааге этот наш бас, проведя ночь с друзьями в обильных возлияниях, все же явился на первое выступление. Но в каком виде! Выпустить его на сцену было решительно невозможно, однако регент Погорелов не только выпустил его, но и заставил петь свое соло. Такого успеха этот номер никогда не имел и регенту пришлось взять плохо соображавшего растрепанного солиста и вытащить его на авансцену. Гром аплодисментов встретил столь необычайную пару.

За время нашего пребывания в Голландии, где оркестр дал еще несколько концертов по разным городам, пришлось мне взглянуть на Дворец Мира в Гааге и побывать на знаменитом морском курорте Шевенинг. Начались «фашинги», время общего веселья, и мы снова вернулись в Герма-

нию, где оркестр переключился на смешанную музыку: сначала давалось короткое концертное отделение, после которого все музыканты переодевались в смокинги, появлялись саксофоны и другие инструменты фокстротной музыки, начинались танцы. Усладившись зрелищем, я обыкновенно шел спать, а оркестр играл еще долгое время.

Но вот прошли «фашинги» и опять начались концерты. Несколько недель подряд оркестр выступал в Ганновере, в большом кафе «Георг Палас», дававшем большую музыкальную программу. Атмосфера в этом кафе была больше, чем приятная и публика принимала выступления оркестра с большим одобрением. Выступали мы два раза в день, т. ч. свободного времени было много и я употреблял его на знакомство с городом. Красивый и опрятный Ганновер, кроме одной из самых красивых ратуш Германии, украшенной золотым куполом, имел великолепный вокзал с широкой вокзальной площадью и памятником большой художественной ценности. Эти два образа особенно отчетливо запечатились в моей памяти. После Ганновера начались выступления оркестра в больших залах крупных городов: Эссене, Заальбау, Бремене, Штадтхалэ и др.

В начале июня месяца Погорелов оставил В.Х.Б. и уехал на другую, кажется самостоятельную работу. В управление хором вступил домбрист П. П. Россинский, вскоре освоивший и свою добавочную работу регента. Человек музыкальный и скромный, он и не претендовал на манерность и показную сторону управления, давал тон, держал темпы. Петь под его управлением было очень легко, солистов он не понуждал, но и не удерживал: пой, как можешь. Но легкость работы никак не компенсировала стремление певца к поискам лучшего. Состав хора оставался более чем слабенький, программа примитивная, исполнение чисто любительское.

В середине июля я неожиданно получил письмо от администратора Донского хора с предложением мне и приятелю-октависту явиться в назначенное место, в последних числах июля, на репетиции хора. Посоветовавшись между собой, мы тотчас же ответили согласием и поставили в известность свою администрацию о нашем выходе. Препятствий к отъезду никто нам не чинил, а скорее было выражено благожелательное сочувствие и поздравление всего хора с поступлением в Донской Казачий хор.

(Продолжение следует)

Доброволец Иванов

ОБ АТАМАНСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ

В № 69 журнала «Родимый Край» помещена статья портупей-юнкера Атаманского Военного Училища Ивана Сагацкова «Об Атаманском Военном Училище».

Можно только порадоваться той любви, которую испытывает портупей-юнкер Сагацкий к своему родному Училищу и тому, что оно воспитало в нем верного и достойного сына своей Родины в борьбе за Веру, Величие, Честь и Достоинство России. Вполне понятна и та гордость, с какой он пишет, что «Орлиный выпуск» донес историю Ат. В. Уч. достойно на своих крепких плечах до самого Лемноса», но ведь донес не только он, но и выпуск «голубой», Атаманское Военное Училище в целом.

Можно также быть ему благодарным за то, что он осветил жизнь Училища от 15 авг. 1919 года (начало учебного года) до Новороссийской эвакуации, как и Крымского периода до июля 1920 года. Безспорно, что за этот период подготовка к званию офицера, как в строевом, так и в учебном отношении и в Ат. В. Уч. и в Донском В. Уч. стояла очень высоко, важно еще и то психологическое влияние, какое оказывали Училища и на окружающих. Юнкера, хорошо одетые, своим бодрым видом, блестящей выпавкой, своими песнями, своей дисциплинированностью благотворно влияли не только на окружающие потрепанные части с немногим, после Новороссийской катастрофы, придавленным моральным состоянием, но и на окружающих жителей. При взгляде на них зарождалась энергия и воля к продолжению борьбы.

Точно также вполне понятно желание портупей-юнкера Сагацкого оттенить особые, с его точки зрения, тяжести, выпавшие на долю «Орлиного выпуска», в боях при Каховке. Но ведь «голубой выпуск», о котором он не упоминает, наверное тоже имеет свое слово сказать. Он в этих боях не был простым статистом, он также принимал участие в них и также смотрел открыто и смело смерти в глаза. Для истории Училища, конечно, интересно, какое из его подразделений более или менее пострадало или отличилось, но важно, что это было Атаманское Военное Училище.

К списку раненых полковника Сохранова и есаула Колышкина я добавлю, что был смертельно ранен командир 2-ой пластунской сотни войсковой старшина Жуковский Борис и убиты юнкера Панков Вадим, Скрынник Павел, Черенков Михаил, Кисе-

лев Павел и Барабашкин Павел и кроме того было свыше 40 раненых.

Это все были офицеры и юнкера Атаманского Военного училища.

Не понимаю я иронического замечания портупей-юнкера Сагацкова в отношении ген. Максимова по поводу представления последним к награждению Училища Гвардейскими Георгиевскими петлицами за бои под Каховкой.

Да, я смело могу утверждать, что любой начальник части, а тем более начальник Училища, на которое редко выпадают такие задания, поступил бы так, как поступил ген. Максимов. На предложение Главнокомандующего представить списки юнкеров к наградам, он ответил, что у него нет более достойных и менее достойных и, конечно, добавил, что все Атаманское Военное Училище блестяще выполнило приказ Главного Командования, потеряв 6 убитых и свыше сорока раненых, и что Училище заслуживает высокой боевой награды. Главное Командование согласилось с этим и пожаловало Училищу Гвардейские Георгиевские петлицы. Не о себе думал ген. Максимов, а о будущем Училища. Он знал, что награды юнкерам все равно придут, и они и пришли, но он также знал, что фамилии получивших награды забудутся в веках, а Атаманское Военное Училище будет всегда сиять боевой славой.

Я очень сожалею, что юнкер Ашуркин не получил боевой награды, но конечно он герой, как герои и те, кто получили награды, но фамилии которых я здесь не упоминаю, как герои и те, кто не получил ни ранений, ни боевой награды, но с гордостью могут сказать: «Я был в боях под Каховкой, за которые Училище получило Гвардейские Георгиевские петлицы».

Председатель Объединения Атаманского Военного Училища ген.-м. Зубов

В 1969 г. исполняется столетие со дня основания Новочеркасского, переименованного затем в Атаманское, Военное Училища. К этому времени должна быть изготовлена ПАМЯТКА. Удастся ли нам ее издать или нет, это будет видно в свое время. Во всяком случае ЮБИЛЕЙНАЯ ПАМЯТКА должна быть изготовлена. Для этой цели создается специальная комиссия.

Я обращаюсь ко всем новочеркассцам атаманцам, с просьбой написать свои воспоминания, особенно оттенив героическую эпоху Училища с 1917 г.

Эти воспоминания пока присыпать по адресам: Mr. Zouboff. 7, rue de la Cavalerie. Paris (15), France. Mr. Evstratoff. 7, rue Estien-

pe d'Orves. 92 - Courbevoie. France и они будут переданы в Юбилейную Комиссию.

Париж

Н. Зубов

ПРОВОДЫ МАСЛЕНИЦЫ В США

Глубокие традиции, унаследованные от наших предков на родной Земле, доселе хранятся в тайниках казачьей души, и несмотря на то, что казаки находятся в изгнании почти в течение полвека, воспоминания о них остаются незыблемыми.

В родных хуторах и станицах казаками устраивались бурные и задорные проводы Масленицы, отмечавшиеся особой своеобразностью выездами на улицу на лучших лошадях, запряженных в легкие и красивые санки-козырьки.

Улица или площадь заполнялись веселыми задорными казаками и казачками, устраивавшими своеобразный маскарад, с примитивными юмористическими выходками, шутками и прибаутками, а юные казачата, бравируя перед собравшейся публикой, неслись на разгоряченных в упряже конях по растаявшему уже снегу, стараясь перегнать друг друга под громкие и одобряющие крики собравшихся зрителей.

А в домах суетливые хлопотливые хозяйки — без устали готовили целую неделю блины с разными приправами: кому что нравится.

Сковорода шла из печки за сковородой с зарумянившимися пышными блинами, а на их любителя хорошего едока хозяйка не успевала печь блины и на двух сковородах, и облегченно вздохала, когда любитель, вылезая из-за стола, скажет: «Слава Богу — насытился».

Это было, действительно, широкой масленицей в родных и привольных краях, и никогда этого не будет того своеобразного широкого веселья, навсегда ушедшего от нас, где бы мы — казаки ни проживали: в Сев. Америке-ли, в Европе-ли, или в других государствах земного шара.

То была, в полном смысле этого слова, раздельная масленица, сохранившаяся по сей день в памяти юношеского возраста.

Однако, несмотря на нашу долголетнюю

оторванность от Родины, ряд казачьих организаций в Сев. Америке отметили проводы «широкой» Масленицы.

Одной из таких организаций является Донская станица им. полк. Чернецова в Фармингдейле, во главе с энергичным и деятельным Атаманом станицы Д. Е. Свинаревым, устроившей действительно широкую Масленицу, предусмотрев не только традиционные блины, но и эстрадную постановку замечательного детского концерта.

Дети-казачата и казачки своими выступлениями показали исключительные способности по танцам и интеллектуальному развитию, преобладающему по серьезности исполнений концертной программы над их детским возрастом.

Хорошо исполнила балет — Аня Усикова, аккордеон — Нелли Новикова и лезгинку — любимец публики — Дима Свинарев, с изумительной виртуозностью, легкостью и грациозностью, вызвавший у публики своим исполнением необыкновенный восторг, наградившей его горячими аплодисментами и криками: Браво.

В этом детском концерте заключается и особенность широты и красоты Масленицы, прививающей в детском возрасте казачатам наши традиции, наши пляски и песни, являющиеся своеобразным и бессмертным творчеством Казачьего народа.

Было бы несправедливым обойти молчанием приготовление традиционных блинов нашими казачками, стоявшими за буфетом со сковородой, готовя удивительно вкусные блины, разбирающиеся нарасхват публикой.

Все это напоминает казакам их былое, глубоко связанное с вековыми традициями, которые в долголетней эмиграции не легко сохранить, а еще труднее передать ассимилирующему поколению, быть может, на всегда уходящему от казачьих традиций на чужбине.

И все же, есть казаки, воспитывающие

своих детей, как следует, оставляя в детской памяти и сознании будущий зародыш, который при благоприятных условиях несомненно взойдет на плодородной казачьей почве.

Такое устройство Масленицы, с привлечением молодежи, нужно только приветствовать и благодарить руководителей этих организаций, пытающихся привить молодежи наши традиции и обычай, на которых росла, крепла и создавалась жизнь у нас на Дону.

По воле Божией, нам не дано возможности быть участниками и продолжателями наших предков построения казачьей жизни на родной Земле, но нам — изгнаникам — дана возможность в изгнании хранить и сохранить до конца наших дней бессмертные традиции наших предков — оставивших великое прошлое в назидание своему потомству.

США.

С. И. Донсков

КРАСНАЯ ГОРКА У КАЗАКОВ В США

Следуя веками освященной традиции, казаки в США поминают своих погибших и усопших предков, согласно правилам православной Церкви, на Фоминой неделе, а этот день у казаков называется Красной Горкой.

В последние годы общие поминовения происходили на Свято-Владимировском кладбище, на котором три года тому назад был сооружен величественный памятник «Казаки — Казакам», к которому совершились процесии казаков и их друзей, приезжавших даже из самых отдаленных мест.

И в этом году казаки надлежащим образом готовились отметить этот день и достойно почтить память всех казаков, казачек и детей казачьих. Для этой цели объединились свыше десяти казачьих организаций, являющихся не списочными или мертвыми организациями, а живыми и активно действующими среди казаков США.

Должным образом собиралась отметить память погибших и усопших казаков и казачья молодежь, готовила свои национальные костюмы, тренируясь к торжественной процессии, во главе которой должна была шествовать именно она, неся флаги, казачьи и казачьи организации и казачьи общественные и политические деятели и все казаки и казачки и их друзья. На этот раз ожидалась особенно импозантная процессия, чтобы перед всеми подчеркнуть единство всех казаков в защите их неотъемлемых прав на свою свободу. По указанию заведующего казачьим музеем В. Г. Глазкова из Нью-Йорка были доставлены многочисленные казачьи регалии и булавы и насеки для атаманов организаций, действующих

быть в процессии.

Однако, начавшийся еще в вечера сильный дождь с холодным, пронизывающим, ветром шел и весь день в воскресенье 7-го мая с. г. Но невзирая на такую весьма неблагоприятную погоду, казаки съехались к означенному часу на Свято-Владимировское кладбище в Джексон, штат Нью-Джерси. Там решено было ввиду продолжавшейся бури сильным дождем отслужить общую панихиду в кладбищенской церкви, возложить к памятнику «Казаки — Казакам» венок, а также традиционную пасху и яйца и затем направиться в отстоящий от кладбища в 30-ти километрах Казачий дом Ди Pi в Фармингдейль и там совершить общие поминки.

Настоятель кладбищенского храма казак протоиерей отец Петр Попов отслужил общую казачью панихиду с провозглашением всем погибшим, замученным и усопшим казакам и казачкам «Вечной памяти». Храм был заполнен молящимися.

Несмотря на удаленность от кладбища Казачьего дома Ди Pi, туда собралось много казаков. Казачки быстро заставили столы приготовленными пасхальными яствами. Грисутствующий настоятель Свято-Покровского монастыря на Новой Кубани архимандрит отец Адам благославил поминальную трапезу при пении всеми собравшимися пасхальных песнопений.

Атаман местной Донской имени полк. В. Чернецова станицы Д. Е. Свинарев, главный организатор празднества, приветствовал духовных отцов, атаманов и председателей казачьих организаций, казачьих общест-

венных и политических деятелей и всех присутствовавших, вкратце ознакомив с проведенной подготовкой процессии и общей казачьей панихида, которые, вследствие разбушевавшейся стихии, приняли иные рамки, чем те, в которых они были запланированы.

Затем выступил председатель Строительного комитета по сооружению памятника «Казаки — Казакам» и атаман Общеказачьей станицы в Нью-Йорке инж. А. Е. Афанасьев, который в своем слове отметил древнюю казачью традицию поминать своих предков, как и уже установившуюся тут, в

США, традицию совершать общее казачье поминование перед памятником «Казаки — Казакам». Уже одним этим сооруженный всеми казаками памятник достиг своей цели и своего назначения.

В заключение ст. Афанасьев призвал присутствовавших оказать поддержку изданию книги, посвященной памяти первому выборному после революции Атаману А. М. Каледину. На этот призыв живо откликнулись станичники и их друзья.

США.

Участник

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ И ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

- ◆ Годовщина Лиенцевской трагедии в Париже в этом году была отмечена 4 июня. Казачьим Союзом, Союзом Казаков-Комбатантов и др. каз. организациями парижского района была отслужена в кафедральном Соборе на ул. Дарю торжественная панихида. Служил архиепископ Георгий в сослужении с двумя священниками.
- ◆ 14 мая, в Париже, в Доме «Белого Воина» на ул. Мериме, состоялась многолюдная пасхальная встреча, устраиваемая Казачьим Союзом, на которой присутствовали почетный член Каз. Союза и председатель Союза Казаков-Комбатантов ген.-м. Н. Г. Зубов и многочисленные гости из провинции, в том числе Ф. М. Миронов, председатель секции Союза Каз. Комб. из г. Монтаржи.
- ◆ Донская Объединенная станица в г. Мельбурне (Австралия) начала издавать журнал «Станичник». Сейчас вышел уже № 4. Журнал издается на ротаторе, хорошим четким шрифтом. На обложке — девиз журнала: «Казак казаку — брат». «Род. Край» шлет привет новому собрату с искренним пожеланием иметь и дальнейшую возможность выходить и дальше. В наше время это не легко.
- ◆ Объединением и Музеем Л. Гв. Казачьего полка уже в течении нескольких лет издается Бюллетень под редакцией ес. Г. М. Гринева. Если вначале он имел исключительно информационный характер членов Объединения, то последние номера уже

представляют собой объемистый литературно-исторический журнал, интересный не только для членов Объединения, но и для посторонних лиц. В нем деятельное участие принимает и следующее поколение, сыновья Лейб-Казаков, уже выросшие заграницей, и это особенно ценно. Редакция «Род. Края» искренно шлет свои наилучшие пожелания редакции, издательству и администрации Бюллетеня.

◆ Полк. Ф. И. Елисеев, хорошо известный казакам своими брошюрами из жизни Кубанцев, и их истории времен первой мировой и гражданской войны и жизни казаков-джигитов заграницей, приступил к изданию новой серии брошюр «Оренбургское Казачье Военное Училище». Сейчас вышла брошюра № 1. Выписывать у автора: Elyseev. 66 Ft. Washington ave. Apt. 25. New-York. N.Y. 10032. U.S.A.

◆ В дополнение к его статье «Золотой запас Новочеркасского отделения Государственного банка» («Род. Край» №№ 65 и 66) А. П. Падалкин сообщает следующее:

«В настоящее время советские историки исследуют гражданскую войну на Дону; в частности, К. Хмелевский в своем труде пишет, что золотой запас из Новочеркасского Казначейства был перевезен в Ростов между 4 и 20 апрелем, а оттуда вместе с деньгами отделения Ростов. Гос. Банка по распоряжению черезвычайного комиссара Юга России Орджоникидзе был перевезен в Царицын через ст. Торговую и что из этого

«запаса» в Царицине содержалось «Донское Советское правительство» и что первая выдача в 3 миллиона рублей по распоряжению Орджоникидзе была сделана «Центральному Исполнительному комитету Дон. Сов. Республики в мае 1918 г.».

◆ Полк. А. М. Голубов прислал в редакцию следующее письмо:

«Меня очень интересует один вопрос, возможно он также заинтересует и других читателей и казаков, которые ничего не знают о так называемых чалданах в Сибири. И я хотел бы обратиться к проф. Миллеру, а также и к другим казакам, хорошо знающим нашу историю.

В бытность мою после последней войны на советской каторге в главном концентрационном лагере при станции Яя, на реке того же названия в Сибири, мне приходилось встречать довольно много таких же бедолаг, как и я, и называющих себя чалдонами. Это были в большинстве случаев очень крупные люди, здоровые, сильные, напоминающие сибирских медведей. Жили они между собой как то отдельно, и были очень дружны. Особенной грамотностью они не отличались, но все были исключительно политическими заключенными. Среди них не было людей «дюже письменных».

И вот как то подошел ко мне один из них и спрашивает: «Говорят, ты тоже казак, да

еще полковник?» Я разговорился с ним и вот что он мне рассказал: Мы все переселенцы. Жили на Дону, где Дон сливается с Чалом. Теперь живем на реке Яя. Занимаемся хозяйством, а главное ловим рыбку и охотимся в лесу. Медведь для нас не страшнее собаки. Раньше жили очень хорошо, свободно. Знали, что на Руси не стало царя, но коммунисты к нам не заглядывали, а теперь их столько наехало, что собак у нас меньше по дворам, чем их, и стали они нас выдергивать один по одному, а за что, мы и сами не знаем. Буржуев у нас нет, все мы одинаковы, а вот не любят они нас и т. д.

Я ему задал вопрос, а можно ли сбежать к вам? Не выдадут ли меня чалдоны? Он мне ответил: «Чалдоны не выдадут никогда, но не советую, слишком за нами следят и сразу же посадят в «черный ворон» и прощай.

Я никогда раньше не слышал о таких казаках-чалдонах и меня это заинтересовало. Мой собеседник мне рассказал, что их много по реке Яя и в лесах. Насчитал больших поселков больше десятка, а сколько их всего, он и сам не знает. Обычаи их, разговор, очень похожи на наши донские, и много у них тех же песен, что и у нас на Дону. Любимые песни их были про Ермака, и мотивы те же.

Быть может, кто либо из читателей «Род. Края» и сообщить, были ли действительно такие переселенцы с Дона и Чала».

УПАДШИЕ

† 20 окт. 1966 г. в Санта Роза (США) скончался есаул Забайкальского Войска И. Д. Размахин.

† 25 янв. в Австралии скончался войск. старш. В. П. Пешков, Забайкальского Войска.

† 12 мая в инвалидном доме Монтморенси (Франция) скончался полк. Г. В. Иноземцев Куб. В.

† 28 февр. в Мезон Альфор (Франция) умер казак Л. Гв. Казачьего полка С. Д. Манжиков (78 лет) ст. Платовской Сальского округа В. В. Д.

† 18 марта в Париже скончался сот. Башнур Угуревич Даков, (68 лет), ст. Платовской Сальского округа В. В. Д.

† 11 апр. в Фарминдале (США) скончался сбт. Н. М. Поморцев, (68 лет), стан. Грозненской Терского Войска.

† 28 апр. в США скончался войск. старш. Г. А. Винников, 78 лет, стан. Петровской, Куб. В.

† 5 марта в Австрии скончался хор. Н. И. Шорников-Бабак, 72 лет, стан. Пашковской Куб. В.

† 14 мая в г. Виши скончался войск. старш. М. В. Попов, 70 лет, стан. Каменской В. В. Д.

† 4 апр. в Париже скончался хор. С. И. Супрунов, Куб. В.

† 5 июня в г. Пети Клямар под Парижем скончался инженер электрик Я. С. Ященков, 70 лет, Усть-Белокалитвенской станицы

В. В. Д., о чём с прискорбием сообщает правление Каз Союза и выражает свое искреннее соболезнование супруге, детям и брату покойного в постигшем их горе. — Пусть легка будет тебе, дорогой станичник, приютившая тебя навсегда французская земля.

† 12 апр. в Броклине (США) скончался И.

В. Степанов, 82 лет, ст. Усть-Бело-Калитвенской В. В. Д.

† 2 июня в старческом доме в г. Грассе (Франция) скончался полк. Г. И. Жидков В. В. Д.

† 19 апреля в г. Лос-Анжелес (США) умер ген.-майор М. А. Скворцов, ст. Суворовской Куб. В.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 1 апреля по 1 июня 1967 г.)

В фонд Издательства: П. И. Алексеев — 10 долл., В. Л. — 5 герм. мар., А. Голубов — 100 белг. фр., В. А. Балахнин — 82,13 фр.

От Объединения Партизан-степняков на номер посвященный памяти Поход. Атамана ген. П. Х. Попова — 50 фр.

Отделу партизан чернечовцев-семилетовцев от В. М. Петруся 5 долл.

Дамскому Комитету Казачьего Союза: П. А. Алексеев — 5 долл., г-жа Абрамова — 10 фр., Севостьянов — 5 фр., П. И. Еронин — 10 фр., из Германии — 1 долл.

На издание книги, увековечивающей память Атамана А. М. Каледина:

Княгиня Голицына — 100 фр., Н. И. Басов — 5 долл., В. М. Петрусь (2-ой взнос) — 5 долл., П. И. Латкин — 10 фр., г-жа Абрамова (2-ой взн.) — 5 фр., М. К. Бугураев — 5 долл., И. Лаврухин — 10 фр., К. Мохов (2-ой взн.) — 10 фр., А. Небыков (2-ой взн.) — 10 фр., П. И. Алексеев (3-ий взн.) — 10 долл., Объединение партизан-степняков через А. П. Падалкина — 50 фр., А. Г. Колесников

(2-ой взн.) — 10 фр., Гончаров из Иври (3-ий взн.) — 10 фр., Ф. М. Миронов (2-ой взн.) — 10 фр., В. А. Скандилов (2-ой взн.) — 20 фр., от Секции Союза Казаков-Комбатантов в г. Монтаржи через Ф. М. Миронова — 10 фр.

По подписному листу № 3 Обще-Казачьей станицы в Нью-Йорке через ее атамана А. Е. Афанасьева — 90 долл. (А. Бурдюков — 10 долл., Е. А. Богаевский — 5 долл., А. А. Полтавская (семья) — 5 долл., И. Р. Клевцов — 5 долл., И. А. Ченцов — 5 долл., П. Парван — 5 долл., М. П. Чукавов — 5 долл., Б. В. Прянишников — 5 долл., М. Я. Зазерский — 5 долл., М. А. Саринов (2-ой взн.) — 5 долл., В. Бенюк (2-ой взн.) — 4 долл., П. Алексеев — 3 долл., отец Адам — 2 долл., П. И. Кузнецов — 2 долл., А. Н. Баранников — 2 долл., И. Ткаченко — 1 долл., М. Н. Афанасьева — 1 долл., Г. П. Рыжов из Бразилии — 20 долл.).

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

• Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и

они не всегда выражают взгляды редакции.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:
*Mr. Bogaevsky — 230 av. de la Division Leclerc
95 - Montmorency (France).*

● Через Редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Воспоминания ген. А. П. Богаевского» о Ледяном походе, с многочисленными фотографиями белых и казачьих вождей (цена 12 фр.), «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» Н. М. Мельникова, с целями редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 фр., заграницей — 2 доллара; книжки рассказов недавно скончавшегося донского писателя П. М. Аврамова; «Ковыллий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге), «Никифор Кащеев» (цена 3.50 фр.), брошюру Н. М. Мельникова «Как извращается история» (цена 1,50 фр.), Л. Масянова: «Гибель Уральского Каз. Войска» (цена 15 фр.), Н. Н. Туроверова «Стихи» книга пятая (15 фр.), Н. Н. Воробьева

«Кондратий Булавин» (цена 12 фр. или 3 долл.), «Казачий словарь-справочник» — 1-ый том, — цена 25 фр., «Казачья трагедия» — воспоминания организатора казачьего движения против коммунистического режима в Ростове на Дону во время последней войны (цена 2 долл. или 10 фр.), а также репродукцию в красках с картины С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» (цена 3 фр. плюс пересылка).

● Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание «Род. Края» основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То-есть журнал издается на деньги, за него полученные, и на пожертвования отдельных лиц в Фонд Издательства, иначе говоря на деньги самих читателей, от которых и зависит дальнейшее существование «Род. Края».

РОЗЫСКИ

Мих. Ив. Нужненков из Новочеркасска розыскивает двоюродного брата Ефима Дмитрия Черноусова ст. Грушевской. Писать по адресу: Mr. Loukianenko. 8, rue Voltaire. 92 - Puteaux. France.

◆
Сестра розыскивает брата **Валентина Климшина** рожд. 1904 г. станицы Букановской. Учился в Дон. Кадет. Корпусе в Югославии. Около 1925 г. переехал в Париж, откуда уехал в 1930 или 1932 г. Писать по адресу: Mrs A. Pachkevitch. 3700 S. W. Donovan Seattle. Math. 98126. U.S.A.

◆
Минаева Федора Фолимоновича, казака Гундоровской станицы, рожд. 1898 или 1899 г., розыскивают родственники в России. Просим имеющиеся о нем сведения сообщить станичнику Ф. Ф. Минаева по адресу: W. Alochine. 5, rue Ledru Rollin. 30 - Beaucaire. (Gard). France.

◆
Хорунжего Евлантьева Георгия розыскивает племянник. Знающих об его судьбе просят написать по адресу: Stephan Evlanjew. 12 Lakeside Drive. Somekset. N. Jersey. U.S.A.

До войны жил в Курбевуа или Гарен-Коломб., под Парижем.

◆
Из России розыскиваются родственниками **Петр Степанович Половой**, год рождения 1895, Новочеркасск, и **Александр Николаевич Пустынников**, рожд. 1893, Новочеркасск. Писать на редакцию «Род. Края».

◆
Сестра розыскивает брата **Бориса Станиславовича Катвенского**, офицера 80-го конного Зюнгарского полка, и друзей **Андрея Одинцова**, **Александра Магутина** из Пятиизбянской станицы, оба учились в Калаче, позже были офицерами в Донской Армии, и **Анну Бабушкину** из Арчеды. Лиц, знающих о их судьбе, прошу написать по адресу: Madame Oussov-Blonsky, rue № 1, 85, Antsakoviro, Tapaparive, Madagascar.

◆
Розыскивается донской казак **Василий Сергеевич Алексеев**, уроженец хутора Новоцарицинского, Клетского района, Волгоградской области, проживавший в г. Донецке Ростовской области. Знающих о его судьбе просят написать в редакцию «Род. Края».

Вышла из печати, под редакцией Н. М.
Мельникова, в издательстве «Родимого
Края», монография

МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ

В книге 276 стр. и редкие фотографии.
Выписывать из редакции «Род. Края». Сто-
имость во Франции — 16,50 фр., заграницей — 3,50 долл. В книге, кроме яркой об-
рисовки личности и деятельности Донско-
го Златоуста, перед глазами читателя по-
путно проходит героическая эпоха Кале-
динского периода истории Дона.

Осталось еще ограниченное количество
экземпляров.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН В ПАРИЖЕ

— Все новинки книжного рынка —
MAGASIN DU LIVRE

10, rue des Carmes Paris 5
Tél. DANton 25-28.

«ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА»

Редакционная Коллегия: А. Долгополов, Г. Головань и В. Мяч.
ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу
и истории Белых Армий.

Издание Калифорнийского отдела Союза Участников
1-го Кубанского ген. Корнилова похода

Подписная плата на 1 год (12 номер.) дол. 5.00, на 6 месяцев
долл. 3.00, цена отд. номера 0.50 цент. Адрес редакции:
842 NO. Alexandria ave. Los Angelos. Calif. 90029. USA.